

У

тро едва занялось багровым сполохом, тронув вершины самых высоких деревьев. Алым лучом коснулось почерневших крестов на куполах церкви Святого Николая Чудотворца, что на посаде Стрелецкой слободки. Затем ярко-красный разлив восходящего светила задел и крышу Успенского собора, расположившегося возле реки. А через некоторое время яркие золотистые блески уже играли на поверхности воды, привлекая шаловливую рыбу. Несколько крупных обитателей речных глубин выпрыгнули на поверхность, сверкнув серебристо-желтой чешуей. Проплывающий на лодке рыбак уж было наклонился, сияясь поймать руками водные дары, но они ускользнули от него, вернувшись в свою обитель.

Новый год наступил¹, только вот неделя минула. Даже деревья совсем зеленые. Теплынь... В иное время подумаешь, будто лето еще. Суховато, правда, ежели и далее так будет, ожидай весну дождливую да прохладную.

Еким поднялся засветло, слез со своих полатей. Поди, глубоким сном спят дочь Лукерья и сын Демидка. Лыкисов уже в годах, ему за пятьдесят. Занимается какой-то торговлишкой, сам когда-то был крепостным, да сподобил Господь, выбился из крепостной неволи, стал купцом средней руки. Вот он нагнулся пониже, отворил слюдяное оконце и вдохнул свежий воздух. В избе сразу посветлело, резвый ветерок качнул занавески над печью.

¹ До преобразований Петра Алексеевича год на Руси начинался в сентябре.

Поодаль, на дороге, замычала скотина, выгоняемая на пастбище. Еким обернулся и поискал глазами дочь, но ее на месте не оказалось.

— Молодец, девка, баска², — прошептали губы.

После смерти матери росла лишь под отцовским присмотром и сразу поняла, что отныне хозяйствовать в доме надлежит ей. Бывало на солнечном пригреве Еким посадит дочку рядом, начнет перебирать ее густые черные волосы — не завелось ли в них грешным делом чего — и ласково приговаривает:

— Кровинка ты моя... Сиротинушка бедная, без мамушки бедуешь.

Лукерья тем временем вывела Буренку да телушек с бычком, налила пастуху холодного молока и подала краюху житного духовитого хлеба. Проводив глазами удалившееся стадо, девушка вернулась во двор, чтобы поставить крынку в холодное место. Внезапно брошенный в сторону взгляд заметил нечто лежащее. Бревно ли какое, либо мешок с чем-нито, да больно уж велик. Послышавшийся рядом стон насмерть перепугал молодую хозяйку. Она чуть крынку из рук не выпустила. Однако быстро сообразила, опрометью кинувшись в избу. И уже в сенях столкнулась с отцом. Испуганные глаза дочери обеспокоили Екима. Лукерья дрожала всем телом, не в силах произнести ни слова. Отец прижал ее к груди, ласково похлопав по спине. Возможно, это возымело свое действие. Наконец девушка отступила на шаг назад.

— Тятка, — всплеснула она руками, — на нашем дворе незнамец обретається, пораненный да хворый.

Девушка подробно поведала об увиденном, от ее зоркого взгляда не укрылось лицо незнакомца, на котором были запечатлены перенесенные страдания и лишения.

— Наверняка сказать можно, что с большим избытком хватил он лиха. Убивец, может, какой-либо тать беглый, ума не иму.

— Не страшен обличьем сей нищеброд?

Еким явно намекал на каторжан, которым клеймо на лбу ставили и ноздри рвали

— Нет, тятенька, — отрицательно качнула головой Лукерья. — Молод он и зело обличен³.

Купец весьма заинтересовался известием дочери и пожелал увидеть пришедшего своими глазами. К моменту появления хозяев незнакомец успел проползти толику по земле и приблизился к старому корыту, в котором еще оставалось немного дождевой воды. Узрев попытку больного человека напиться, Лукерья быстро принесла полный ковш ключевой водицы. Лыкисов сразу отметил правоту дочери. Да, этот несчастный не только много выстрадал, но и проделал большой путь. Видать, идти ему пришлось издалека. Перед Екимом лежал обыкновенный крепостной, бежавший от непосильного боярского гнета. Подобных ему приходилось видеть множество. Купец и сам, будучи крепостным, бежал от своего господина из-под Пскова. Поначалу обретался на Северском Донце, ибо на Дон после разинской смуты дорога была заказана. Там хозяйничали домовитые казаки. Когда немного пообжился да заимел кой-какой скарб, подался в Воронеж, тут и остепенился.

Чем-то глянулся беглец Екиму. Он твердо решил вылечить его, а там, может, оставить насовсем. К делу человека нетрудно приставить, глядишь, оно и с пользой окажется. Вдвоем с дочерью перенесли стонущего в крохотную комнатушку, более напоминающую монастырскую келейку. В ней когда-то медленно умирала жена купца. С тех пор там никто не бывал и не хотел даже заглядывать. Лукерья быстро с ведром да тряпкой навела в спальнеке порядок, а Еким тем часом истопил баньку, где сам и отмыл хворого. Нашлось что из одежонки. И только уложили незнакомца в постель да замкнули дверь, вышел в сени Демидка.

— Ну ты и спишь, братец, — усмехнулась Лукерья.

² Б а с к о й (диалектн., устар.) — шустрый, быстрый, ловкий.

³ О б л и ч н ы й (старослав.) — пригожий, симпатичный.

Она едва сдержалась, чтобы не поведать ему о случившемся.

Демиду уже стукнуло восемнадцать, он был на два года старше сестры, а приглядишься внимательней — вроде бы, и младше. Характером обладал вздорным да своенравным. Порою в запальчивости мог Бог вещь что сказать, короче, сболтнуть лишнее. Без ума голова — что лувощко. По своей мужицкой сути сын должен быть на первом месте после отца, а тут выходит: девка в хозяйках, а старший брат — дитя малолетнее. Еким даже не ведал, на какую стезю сынка поставить. Чувствовал, что купецкое ремесло не пойдет ему на пользу. А тут еще глянулась ему единственная дочь боярина Шиловского, который пока не препятствует таким встречам. А молодая боярыня ответила купецкому сыну взаимностью. Парень от счастья вовсе ума лишился. Не зря про них люди сказывали: «Горшок с горшком стыкается». А боярская челядь за спиной Демиды шептала: «Залетела ворона в высокие хоромы».

— Тятка, небось, к Гаврилке подался.

— Перед образами стоит.

Купец явно согрешил перед Вседержителем, нарушив Закон Божий. Ибо прежде чем начинать ежедневные дела, требуется встать на утреннюю молитву, осенив себя крестным знаменем, и произнести: «Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа».

Демид заглянул в спальню отца и увидел его на коленях перед иконостасом, погруженного в общение с Христом.

— Ты бы тоже стал-нито рядом, чай, не нехристь какой.

— Еще учить меня будешь? — высокомерно, но без злобы заявил юноша. — Я с Фроськой да ейным родителем в церковь пойдем на посад.

— Ну что ж, братец, как говорится, вольному воля.

Проводив взглядом ушедшего Демиды, Лукерья занялась домашними делами, не забывая порою заглядывать в каморку.

Еким наконец поднялся с колен и изрек напоследок:

— «Ты бо еси мой сотворитель и всякому благу промысленник и податель, о Тебе же все упование мое, и Тебе славу возсылаем, ныне и присно и во веки веков, аминь».

Едва выйдя из спальни, он услышал знакомый голос, вещавший что-то дочери.

— Благословен будь дом сей входящему, — раздалось с порога из уст Гаврилы Полагина.

— Благословен еси, — ответствовал Лыкисов, протягивая руки искрящемуся живостью мужичонке с озорным взглядом светло-карих глаз.

Даже жиденькая борода, торчащая в стороны, и взлохмаченная седая голова не отвращали от него.

— Проходи, друже, будь наравне с хозяином.

Давними приятелями двух людей сделала жизнь, побратавшая их с бедой да страданиями. Оба были крепостными, оба стали беглецами, но из разных мест. Встретившись, сразу потянулись друг к другу, помогали, как могли и чем могли. После уже приехали в Воронеж. Правда, Полагин пожаловал сюда к своей двоюродной тетке, которая вскоре умерла и оставила ему кой-какой достаток. С него и началась настоящая жизнь Гаврилы, он ездил по деревням, скупал лен да пеньку и продавал тем, кто занимался ткачеством либо канатным ремеслом.

— Привез я отменный лен, — видно, от волнения доверительно прошептал Гаврила, хотя в избе, кроме них, никого не было.

— Ин и ладно, — ответно заявил Еким. — А я тем часом успел дело спроворить. Пристроили мои артельщики за сеновалом просторное жилье. Поставили станки прядельные да ткацкие. Двое станут нить сучить, остальные — ткать.

— Глянется мне, хоромина, выстроенная нашим тшцианием, скоро принесет прибыток немалый.

— Сумнительно это, — качнул головой Лыкисов. — У боярина тоже ткаческое ремесло налажено. Приказчики ездят по деревням, собирают куделю да пряжу.

Лютует над трудниками и крестьянами Епифан Федотыч, зуботычинами да пинками потчует. А разъярится, так самолично необыкновенную скорость на руку оказывает.

Побеседовали еще немного. Полагин вдруг засобирился, засуетился и начал прощаться. Еким проводил дружка-приятеля, не успев и полусловом обмолвиться о беглеце. А после уж и не сожалел о том, отправившись к затворнику.

* * *

Боярин проснулся засветло, долго лежал в постели, не решаясь подняться. Надумал-таки. Слугу кликать не стал. Выпрямил спину и сразу набросил на нее бобровую шубу. Зябко повел плечами и прошел в молельню, уставленную старинными образами с изображениями Христа, Богородицы и Апостолов. В горнице нарочитый полумрак. Сутемень и на душе. Некоторое время испытующе смотрел на лики икон византийского строгого письма. С великим усердием творил молитвы и утомил спину земными поклонами. Одолевал Бога просьбами не оставить милостью и Своим Господним прощением.

Потом тяжело поднялся с колен, открыл дверцы длинного, с полстены, поставца⁴, в котором хранилась разная святость. Окинул молитвенным взглядом кресты и панагии, ставики с частицами нетленных мощей, коробки со смирной и ливаном. Порадел о душе, о бранных телесах в предстоящем долгом пути. Взял на кончик серебряной ложечки из вошанки капельку чудотворного меда и помазал себе по губам. А вот и застоявшаяся с Крещенья святая вода, сделал небольшой глоток и почувствовал душевную радость. В руке голубиное перо. Боярин окунул его в свинцовый сосуд, где хранилось освященное епископом Митрофаном миро, и крестообразно осенил им свое чело. Затем подержал пальцами щепотку Иорданского песка, частицы Купины Неопалимой и дуба Мамврийского.

Шиловский наконец решил на умывание и позволил слуге себя одеть, а после можно было и позавтракать. Как бы между прочим справился о здоровье дочери Фрошюшки и жены Пелагии Матвеевны.

— Живы обе и во здравии отменном, чего и вам желают.

Епифан Федотович довольно крякнул, не ответив на подобострастные слова.

— Там, если будет угодно, мальчонка с утра дожидается...

Речь была не закончена, человек испытал на себе суровый взгляд повелителя.

— ...сынрок купчишки Лыкисова, что с дочкой вашей...

Боярин отлично знал, о ком желает известить Прохор. Сей Демидка хоть и подлого званья, но искренние побуждения его очевидны, да и верность высшему словию проявляет. Пусть пока молодые тешатся, лишь бы не переходили предел дозволенного.

— Скажешь молодой боярыне о посетителе, лично проследишь за ними, подглядывай и подслушивай незаметно.

Прохор раболепно согнулся, принимая указания, будто половая тряпка впитывала воду.

— Ущити, Господи, дитяtko от соблазна и греха, — Шиловский вскинул вверх бороду и трижды осенил себя крестным знаменьем.

— А трeбно ли, господине, чтобы дочка ваша с отребьем встречалась? Людишки подлого званья, чаво с них пользы?

— Молчи, дурень, за умного сойдешь, — цыкнул боярин, опалив гневом. — Свои глаза и уши надобно всюду иметь, да и девке скушно все с мамками да няньками, чай, не малолетка уже.

⁴ П о с т а в е ц — старинная мебель, тип буфета.

Далее хозяин поместья прошел в поварню, проследив за готовящимся угощением для званого ужина. По его указанию слуга прихватил на подносе анисовую, на расписной тарелке засахаренные в меду огурцы. Охоч до них Епифан Федотович.

В сених проходила пышнотелая девка Малашка, красна лицом. Боярин не утерпел, прикоснувшись к задним округлостям, вогнал крепостную в смущение.

— Сладка, чертовка.

Будто змея прошипела рядом.

Девушка едва увернулась, но повелителю перечить не посмела, стерпела. Продолжением пути стали ткацкие горницы, более напоминавшие обыкновенные конюшни да овчарни. Шиловский чуть пригнулся, чтобы не зацепить лбом за дверной косяк. Войдя, сморщил нос: пахло немытым телом, и дыхание перехватило духотой. Здесь содержались человек двадцать бродяжек, беглых и просто должников. Трудились просто задаром: за миску похлебки и несколько медяков.

Боярин перевел глаза на приказчика, стоявшего сзади, увидел на лице покорность и собачью преданность.

— Какой тут давеча воровские словеса произносил? Кому нежелательно хлеб после трудов праведных есть?

Измощенные продолжительной работой люди стоя слушали господина в ожидании своей участи. Одного из них, восставшего против несправедливости и произвола, начали избивать розгами. Истязуемый лишь постанывал, когда на спине появлялась очередная кровавая полоса.

Шиловский внезапно скинул верхние одежды, оставшись в исподнем. Взял розгу и взмахнул ею в воздухе, понравилось. Отстранив палача от наказуемого, сам несколько раз стегнул виновника с отяжкой, тот не утерпел удара и взвыл от сильной боли.

— Вот так следует воздавать злодеям по заслугам.

— Уж вы бы не тревожили рученок об разных холопьев, — подобострастно посоветовал слуга, растянув рот в елейной улыбке.

— А и то верно, — боярин бросил розгу на пол, выпил стакан анисовой и, заев хрустнувшим огурцом, вышел из сарая.

И сразу столкнулся нос к носу с сыном купчишки. Юнец согнулся в приветственном поклоне и снизу вверх взирал на хозяина.

— Праздник душе, коль скоро зрак созерцает столз высокочтимого, многоуважаемого господина и повелителя своих подданных, расточающего благосклонность.

Шиловскому явно пришлось по душе лестная речь Демида.

— Ну поведай, чем там твой тятка, тьфу ты, пропасть, — сплюнул на подножные доски, — слово-то какое нашли, пришлецы окаянные. Сказывай скорее, что у Лыкисова твоего? — строго вопрошал боярин, испытующе глядя на доносчика. — Говори, не томи душу. Никак моим ремеслом занялся, людишек нанял в трудники.

— Да, Епифан Федотыч, таить грешно, молвию как на духу. Все истинно вам донесено. Кумпанством сие прозывается. Отец вкупе с Данилкой артелку затеяли, парусину чтобы ткать на речные ладейки да суденышки.

— Ладно, — махнул ладонью на купецкого сына. — Ступай к Ефросинье, скоро в церковь пойдем.

Шиловский насмелился навестить святителя Митрофана, хотя и не любил этого человека. Боярин был наслышан о новшествах, проводимых молодым царем. Об этом не однажды говаривали воевода Горчаков и епископ, которые получали хотя бы редкие вести из стольного града. Лишь святитель был активным сторонником Петра. Сам же Епифан Федотович слыл его ярым противником. Ближе были деяния царевны Софьи, поднявшейся против политической неумности брата.

Время было раннее, но твердая поступь слышна и в начале пути. Сила и мощь Петра только развивались. Не пришли еще победы под Азовом и Полтавой. Пока маящим блеском светят одоления шведского воинства и строительство Северной Пальмиры. Совсем далеко до полного разгрома Карла XII, несомненно, возомнившего себя великим покорителем Европы.

22 ноября 1696 года Петр с торжеством вступил в Москву, но неудачу трудно скрыть. Тяжкий и дальний поход с самим царем, большие потери не окупались взятием двух каланчей под Азовом, которые не могли получить особой важности от того, что их окрестили громким именем Новосергиевского города.

— Так царь Алексей Михайлович изволили в свое время поступать, — словно бы себе объясняли умудренные знаниями седобородые старцы. Они, конечно же, много видели на своем веку и многое помнили. — Взятые в Ливонии города он называл именами русских святых.

Неудача страшная: первое дело молодого царя не оказалось благословлено успехом! Это, видно, не кораблики строить, не под Кожуховым потешаться да с немцами пировать. Петр не упал духом, но вдруг вырос из беды и обнаружил изумительную деятельность. После возвращения из первого Азовского похода он сразу начал хлопотать, чтобы прислали больше иностранцев. Отправил в Австрию и Пруссию за инженерами и подкопными мастерами⁵. И вызвал из Архангельска иностранных корабельных плотников. Он хотел строить суда, которые должны плыть к Азову и запереть его от турецких кораблей, чтобы они не доставили осажденным помощь.

— Не дай, Господи, если торговля замрет, следует беречь торговых людей, не разорять многими поборами, — убеждал Петр. — Того больше: иному купцу денежно следует помочь, тогда он свое дело сильнее разовьет, в фабриканты выйдет.

Тут как в колесе: одну спицу выдернул, весь обод порушился. А порукой всему российскому благоденствию — флот. Поэтому Петр обращается в Боярскую Думу за разрешением о постройке на Руси «морского каравана».

— Не было моря и флота в прежнем Московском государстве, — воды и в реках на всех хватало, — чуждо русским людям морское дело, — увещающее гнусавили бородачи.

— У маленькой Венеции, которая под шапкой Мономаха спрячется, и у той целые флотилии, — ставил он это в укор и в пример. — Голландскую землю можно пядями всю вымерить, а кораблям у нее счету нет.

— Так у тех стран море под боком, от него деваться некуда, — замечали ему не без основания.

— И у нас море будет, — оптимистично заявил царь.

И удивительно: уверенная молодость и вера в будущее передались даже закоренелым неверам. Бояре решили вопрос царя положительно.

А уже 30 ноября он писал к двинскому воеводе Апраксину: «Mein Her Gubernor Archangel⁶! По возвращении от не взятия Азова с консилиии господ генералов указано мне к будущей войне делать галеи; для чего удобно мноу быть шхип-тиммерманом всем от вас сюды: понеже они сие змнее время туне будут препровождать, а здесь тем временем великую пользу к войне учинять. А кроме и за труды заплата будет довольная и ко времени отшествия кораблей возвращены будут без задержания и тем их обнадежь и подводы дай и на дорогу корм».

Вследствие постановления о постройке кораблей землевладельцы духовные составили 17 кумпанств и светские 18. Для этого помещики и вотчинники, имевшие сто

⁵ Подкопные мастера (*устар.*) — специалисты по подрывным работам.

⁶ Мой господин губернатор Архангельска! (*нем.*)

дворов и больше, должны были приехать в Москву в Поместный приказ к 25 декабря под страхом отписки поместий и вотчин на государя. Мелкопоместные вносили по полтине со двора.

От имени двух царей, Ивана и Петра Алексеевичей, издавались повеления и приказы о военных назначениях, о направлении в Азовский поход дворянской конницы, солдатских и стрелецких полков. 13 января появился указ, разрешавший дворовым людям и холопам записываться в солдаты и стрельцы с освобождением от крепостной неволи. И рассылались воеводам приказания. На торгах и церковных папертях громогласно извещали бирючи⁷ о том, чтобы всем гулящим людям без промедления либо зачислиться на военную службу, либо отыскивать себе хозяев, которые согласились бы принять их к себе во двор. Оказавшиеся непригодными ни к чему, ссылались на галеры. Генералу Гордону пришлось проводить в Москве обучение записанных солдат, которые бежали от своих господ.

Среди приготовлений к азовскому походу, Петр занемог в Москве болезнью ноги столь сильно, что не в силах был выйти ни в Успенский собор в праздник Богоявления Господня, ни в Вознесенский монастырь на панихиду по усопшей матери своей, в день ее кончины. А 29 января скончался и царь Иван Алексеевич, умер незаметно, как жил.

Первым делом единовластителя было ехать в Воронеж, ибо ни телесный недуг, ни душевная скорбь не могли ослабить неутомимой деятельности Петра. В феврале, чередуя дела с праздничными обедами и пирами, он много времени уделял комплектованию будущего галерного флота. 18 февраля перед домом Лефорта состоялся смотр российских моряков. «Морской regiment» (полк) прошел маршем, царь и адмирал остались довольны.

Тем временем галеру, которую строили в Голландии, предназначая ее для Волги и Каспийского моря, привезли в Преображенское, под Москву, на лесопильную мельницу. Здесь по ее образцу начали строить суда. Работали Преображенские и Семеновские солдаты; работали плотники, взятые из разных мест, как обыкновенно в старину сгоняли рабочих в Москву к государеву делу; работали иностранцы. К концу месяца 1696 года из сырого мерзлого леса срубили части 22 галер и 4 брандеров. Теперь предстояло ехать в Воронеж, к вскрытию рек перевезти их туда, собрать и спустить на воду.

А по берегам Воронежа и Дона земли — черноземы жирные да плодородные. Поэтому и выращивались на них рожь да ячмень, пшеница да хмель. Из них местное население с давних пор изготавливало хмельные напитки разных сортов. Поначалу винокурни и пивоварни возникли в Таврове и Воронеже. Там же находилось кожевенное и суконное дело. А вот железо поступало в Воронеж из Тулы. И тогда был построен Романовский (Боринский) доменный завод, который расположили недалеко от города Романова на реке Белый Колодезь. Владельцами его являлись московский дьяк К. Борин и гостиной сотни торговый человек Н. Аристов. На заводах работали наемные работники, преимущественно посадские люди и бобыли, сходцы из разных городов и уездов. Они селились рядом с заводом и кормили себя сами сельскохозяйственным трудом. Заводовладельцев своих работников «бьет и увечит напрасно» и принуждает, «яко собственных людей или крестьян».

По поручению царя стольник Григорий Титов отправился из Москвы. Единодержец обязал его к первым числам февраля распилить семь тысяч деревьев дубовых, липовых и сосновых, по данным ему размерам и чертежам, в брусья, бруски, пластины и доски — для галеасного, галерного, брандерского и каторжного дела.

— Потребуешь собрать с уездных обывателей смолу и конопать, — вышагивая по залу, убеждающее указывал Петр. — С помощью воронежского воеводы вытребуешь

⁷ Бирючи (историзм) — глашатай, объявитель воли какого-либо господина.

с Романовских железных заводов скобы, крючья, гвозди, и все припасы сложить под Воронежем к моему приезду на луговой или ногайской стороне реки, в пятнадцати верстах⁸ от ее впадения в Дон.

— Почему же именно под Воронежем, неужто других мест на Руси не достает? — будто по незнанию вопрошал Титов.

Петр хитро улыбнулся, словно не заметил напускной глупости стольника, пустившись в объяснение:

— Сведующие люди сказывали, будто только оттуда возможен спуск судов до Азовского моря. Местные жители имели большой опыт строительства речных лодей, на коих отправлялись в низовые казачьи городки «казачьи отпуски». К тому же, исстари по обоим берегам реки Воронеж росли дремучие леса: дубовые, липовые, сосновые.

Стольник уверил господина бомбардира в своей старательности, отправившись исполнять государственное дело.

Для постройки верфи избрали место на острове реки Воронежа, отведенном от городской стороны вправо небольшим протоком, по которому некогда шла и вся река. В предосторожность от занятия острова полою водою, сделаны были на нем рядом две квадратные насыпи, вышиною одна на восемь, а другая на четыре аршина⁹ над уровнем реки. На первой насыпи устраивали цитадель, в которой помещалось адмиралтейство, а на другой — верфь.

В весеннюю распутицу, с больной ногой, сопровождаемый небольшой свитой, отправился Петр из Москвы в Воронеж, где его ожидал стольник Титов с заготовленными лесными припасами.

* * *

Памятуя о наказе отца, Лукерья, несмотря на свою занятость, не забывала поглядывать в замкнутую комнату, но находившийся там человек постоянно спал. Лишь однажды она случайно увидела открытые глаза пришельца. Он лежал, переводя взгляд с одного угла комнаты в другой. Ожидание враждебности или внезапной беды? Тогда для чего эта уютная келейка с дощатым полом и деревянная кровать с чистой постелью? А вот и любопытно доброжелательные девичьи глаза. Сколько же в них истинно женской страсти!

— Слава Всевышнему! — девушка вышла и сотворила крестное знаменье от плеча к плечу. — Наконец ты очнулся.

— Где я? — взволнованный взгляд наткнулся на участливый взор.

— Не пугайся, ты оказался у друзей. И здесь тебя не тронут. Просто хотелось бы узнать, кто ты есть.

— Да, конечно же, может, я душегуб какой либо тать.

Узкая ладошка легла вдоль губ, заперев слова.

— Афанасьем меня кличут, Васильевым. Беглый я.

Взгляд был тревожным и беспокойным.

— Бежать довелось из белокаменной, от князя Ромодановского Федора Юрьевича, ближнего царского стольника, руководителя Преображенского приказа.

— Охти мне, — Еким чуть не рухнул тут же, в двери, услышав такое признание.

Вовсе не прельщало в будущем испытать на себе милость царских заплочных дел мастеров¹⁰. Князь следил, чтобы указы Петра неукоснительно выполнялись. И того ради принимал строжайшие меры. Попробуй послушаться, кто бы ты ни был, живо попадешь на бесчестье¹¹.

⁸ Старорусская мера длины, равная 1,06 км.

⁹ Аршин — старинная русская мера длины, равнялась 71 см.

¹⁰ Заплочных дел мастера — так на Руси называли палачей.

¹¹ Бесчестье — здесь: опала, ослушание.

— А ежели как на духу, перед Господом, так Ромодановского покинул из-за любовницы евойной. Втюрилась в меня, стервозная баба, и чего нашла в простом князем ткаче...

Лыкисов тут не утерпел, радостно взмахнув руками.

— Мил человек, да тебе же цены нет. Ты как раз к делу приспел.

— ...требовала к себе любви ненасытной, но мне постыдно сие было. Гневить сильных мира не дозволяется. Слава Богу, князь ни о чем не проведал. Довелось случаем подслушать, как эта натура дружку своему вещала о своей мести из-за моей холодности. Вот тогда я и решился на побег, хотя у Федора Юрьевича мне жилось совсем неплохо.

Последние слова Васильева несколько успокоили, теперь хоть не приходилось опасаться поисков княжеского холопа.

— Поправляйся скорее, дело торопит.

Купец даже не мог предполагать, поселяя беглеца в своем доме, что этот человек придется как нельзя кстати. Лукерья проводила взглядом вышедшего отца, продолжая лекарить Афанасия. Девушка самозабвенно отпаивала московского гостя лечебными отварами да кормила петушиной ухой¹² с морковью и укропом.

* * *

Святитель Митрофан наконец вздохнул с отдохновением. Он только-только проводил за порог местных бояр Антона Веневитинова, Акинфия Лосева и Автонома Стерлягова. Все трое из старинных родов, известных, очевидно, еще в правление Василия Шуйского или даже Бориса Годунова. Особенно знатен и богат Веневитинов, посему и достаток у него, изобилье во всем. Говорит нараспев, будто дьякон молитвы творит. И слышит сам себя, верно, и говорил бы только с собой, кабы не с другими сюда пожаловал.

Митрофан беседу вел неторопливую о мирской жизни и небесной, приводил гостям примеры благочестивости Апостолов и великомучеников. Те слушали со вниманием, святое питье вкушали, но думали каждый о своем. Не доходили жаркие глаголы святителя до зачерстневших от жадности и довольства сердец. Это вызвало у Митрофана глухое возмущение, оно с ним и осталось. По этому поводу и припомнилось: «Кто людей не слушает, тот Богу противник». А эти толстосумы лишь головами покивали на предложение святителя поддержать старания молодого царя.

«Все вы во тьме невежества и предраасудков бредете, не ведая, что не токмо на белом свете, даже на Руси происходит». Но это только подумалось.

Попытался бы лишь возразить что-либо трем самоуверенным старцам. Каждый наверняка не преминул бы напомнить народную мудрость: «Всякий молодец на свой образец». Прошло время, бояре покинули обитель Митрофана.

Появившийся церковный служка проворно доставил обеденную трапезу. Хорош лец в сметане и гречневая каша с рыжиками и оливковым маслом! Монашек напомнил повелителю о возможном визите боярина Шиловского, но Митрофан отмахнулся, словно от назойливой мухи. Этот подобен недавним посетителям. Так же страстно ненавидит нарождающуюся Россию, не думая о том, что прошедшее никогда не возвращается.

— Если явится, скажешь, что угодно, не допускай ко мне. Заранее прощаю сей грех, — промолвил святитель, удалившись в свою келью, где открыл на заложенной странице «Об управлении империей» Константина Багрянородного и убрал в сторону его же «Хронографии»¹³.

¹² В стародавние времена в русской кухне все жидкие блюда назывались «уха» и «похлебка».

¹³ Константин VII Порфирогенет (Багрянородный) — византийский император, правил в середине X в.

После выздоровления, едва окрепнув, Васильев сам занялся обустройством купеческой артели. По своему знанию и опыту расставил прядильные и ткацкие станки, распределил и ткачей, которые тут же назначили его старшим, хотя по возрасту он многим в сыновья годился.

— Работать стану наравне со всеми, никаких послаблений для себя делать не собираюсь. Не терплю лодырей да любимчиков, сам не таков.

Афанасий сразу договорился с Лыкисовым об оплате трудникам и хорошем питании.

— Разносолов не обещаю, — серьезно заметил Еким, — но раз в седмицу телятина либо птица на столе будут.

— А насчет рыбы мы сами позаботимся, — усмехнулся Васильев, на что артельщики дружно загнули. Они согласились работать с утра до вечерней зари, оговорив себе часовой перерыв на обед.

Лыкисов никогда не слышал от работных ничего подобного. И вообще не хотелось никаких требований.

— Не горевань, хозяин, — Афанасий заметил на его лице тень беспокойства.

Купца резануло по ушам обращение беглеца, но Еким промолчал, как бы не услышал сказанное.

— Благое дело не забывается, но оборотится сторицею. Слышал от местных, и неоднократно, что Шиловский своих работных бьет нещадно и вкупе с крестьянишками изволочил на трудах. Бедолаги болеют и мрут как мухи. Умерших тайком выносят подалье и предают земле. И все же качеству и количеству товара можно пожелать лучшего. Я более чем уверен, что ежели взяться старательно, можно насильников обойти со всех сторон.

Купец согласился с предложением Васильева. Все ему нравилось в московском госте, даже его наглое упрямство. Еким видывал таких людей и знал, что от них можно ожидать самого страшного. Но дочь сказала, будто от Афанасия исходят сердечность и человеческая доброта. Лукерье Еким верил более себя. Уже стоя на пороге, он обернулся в сторону Васильева.

— А тебя, мил человек, часом, никто из сторонних-то не мог узреть? А то, гляди, налетят воеводские прихвостни, загребут в колодки, да в Сибирь.

Тяк на мгновение задумался, словно что вспоминал. А ведь видел какого-то странника. Волос на голове всклокочен, на плечах какое-то рванье, едино что вериги не звенят. А так — юродивый, да и только. Не стал понапрасну пугать своего благодетеля: тоже ведь глянулся он.

— Нет, — отрицательно качнул головой. — Никого не видел из чужих, да и меня никто, думаю, не мог усмотреть.

Уж в каком сельце или городишке не имеется своего убогого и юродивого, которые все знают, обо всем слышат, всенародно выкликают правду-матку, но вершители людских судеб им это прощают. В Стрелецкой тоже проживал такой божий человек, местный вещатель и праведник. На вид ему давали лет за тридцать, однако говорили, будто он моложе. Лицо его выглядело болезненным, выражая скрытую печаль или страдание. Редкие русые волосенки торчали подобно плохо подобранной соломе на застарелой кровле. Убогий смотрел на грешный мир двумя бездонными омутами очей. И никто не знал, что там, на дне. Говорят, глаза — зеркало души; но почему-то в них ничего не отражалось. Когда-то у юродивого имелось имя, но теперь его уже никто не помнил. Отзывался он на незатейливое прозвище: «Хворобушек».

Встав порой на какое-нибудь возвышенное место либо на бревно, громогласно вещал на люди или просто для себя:

— С лукавою плотью нужно бороться и нещадно ее терзать. В стародавние времена люди сильнее Бога боялись и грешили не так, более каялись. А ноне все смелы стали.

— Мерила бабушка клюкой, да махнула рукой: быть по-старому, как поставлено!

— Чужой человек и обидит, так не обидно, а то обида, которая в своем доме, — как бы успокаивая себя, ответно говаривал Хворобушек проходящим мимо.

Многие горожане, памятуя о христианских заповедях, почитали за честь принять его в своей избе или хоромине. Он и места почти не занимал: в стужу находил укромный уголок за печью, а летом — ночевал в сарае или на сеновале.

Купецкий сын возвращался от Шиловского в преотвратном настроении и был явно раздосадован исходом дня. Он шел берегом Воронежа и несколько раз перелезал через прысла огородов, выходявших прямо к реке. Сразу после посещения церкви, едва оставшись наедине, Демид попросил у Ефросиньи руку и сердце. Девушка надула губки, исподлобья поедая глазами своего обожателя. Юноша несколько раз поцеловал насурмленные щеки, хотя знал, что это делается более ради моды.

— Думаешь, я не говорила с батюшкой о твоей просьбе, — она не дождалась ответа, тут же продолжив мысль. — Он только услышал, руками замахал, ногами затопал. Сказал, что ты в жизни мне не пара. Вообще я не знаю. Мой дед при Алексее Михайловиче был думным боярином, а батюшка в свое время служил окольным.

Молодая боярыня наконец в упор посмотрела в лицо Демида, тот даже засмутился и покраснел до корней волос.

— И чего я в тебе нашла, Бог ведает... Сумеешь моего Епифана Федотыча уговорить, тогда и сватов засылай, первой к ним выйду, угощу на славу. А коль не получится у тебя ничего, можешь о свадьбе и не заикаться.

Сказала, словно краюху отрезала. И тогда купецкий сын понял, что его Фросюшка и не думает шутить.

Ко всему прочему, масла в огонь подлил святитель. Он не принял боярина, это больше всего сокрушало его. Оттого начались полунамеки, раздраженные взгляды, тайком вытертые слезы. Ефросинья переживала за отца как никто другой, являясь истинно отцовою дочкой. А от нее и обожателю на душе горше полныи.

Он еще издали узрел в проулке примечательную фигуру убогого. Тот проходил от одной избы к другой, иногда даже перебегал на другую сторону и снова продолжал свое занятие. Такое поведение Хворобушка заинтересовало Демида.

— Здоров бывай, — окликнул его юродивый, вперив в него свое подозрение.

Молодец ответил тем же приветствием и избежал выискивающих глаз вещателя.

— Либо мне показалось или люди врут, — теперь он начал издалека. — К вам, часом, не родственник ли приехал?

— С чего ты вдруг взял? — Демид даже испугался слов Хворобушка.

— Да так, похоже, видел на вашем подворье чужака, — протянул он уклончиво и поискал глазами пустоту.

— Вполне возможно, что и приехал какой гость, покуда я у боярина гостевал, — в том же тоне ответил Демид.

— Ну что ж, — поворачиваясь спиной, жалобно протянул юродивый. — Видать, огляделся я, но шила в меху не утаишь.

Последнюю фразу он произнес, скорее, сам себе.

— Слава Тебе, Господи, — возблагодарил Творца Демид. — Наконец отвязался, упырь проклятый.

Он терпеть не мог Хворобушка, но слова его не забылись, они запали в душу, словно пророченное зерно в удобренной земле.

Явившись во дворе, обошел все закоулки, даже конюшню и коровник не оставил

без внимания, но все было спокойно. В избе Демид просмотрел комнаты и спальни, чем вызвал у сестры-рукодельницы немое недоумение. Лукерья чуть позже догадалась, что братец нечто выведал: интересно, откуда. И тут же испугалась и охнула. «Как бы он в самом деле не встретился с Афанасием». Девушка живо вскочила и, наверняка зная местонахождение Васильева и отца, предупредила их о брате.

— Умница, дочка, — восхищенно сорвалось с языка купца.

— Послушная и обходительная, на лицо миловидная, — Афанасий произнес это как бы в благодарность Лыкисову. — Молода и черноброва, румянец на щеках не насурмленный, а истинно свой, по всем своим женским прелестям. Сразу видно, приманчива, и не диво, ежели кто прельстится такой.

— Раскрасавица... Радость наша утешная...

Лукерья шла медленно, более слушала разговор мужчин. Она не оборачивалась и лукаво улыбалась. Доброе словцо и телушке приятно.

Демид нашел отца в новой пристройке, где работали артельщики. Все у них спорилось: поодаль на скамье уже грудились полотняные отрезы. Еким сидел за столом в комнатухе, за ухом приторочил гусиное перо, в руках — бумага. Васильева там не оказалось. Юноша сразу начал с вопросов, отец просто опешил от сыновьей напористости.

— Ты, паря¹⁴, не скачи галопом, а то, неровен час, кишки растрясешь. Я к такой быстрой езде не приучен, да и возраст не тот.

— Стану просить Епифана Федотыча отдать за меня евойную красавицу, смерть как охота на ней жениться.

Купец молча проглотил требования сына, поначалу даже не желал ничего отвечать: помусолил в руках перо и бумагу.

— Попервости надо к делу приставлену быть, какое-нито именье нажить, дом поставить, тогда и семьяниться. А ты, видно, желаешь сам на моей шее сидючи еще и Фроську рядом приторить? Не выйдет, паря!

Это было произнесено столь категорично, что Демид чуть не зарыдал от обиды и беспомощности. Однако желание обладать смазливой девицей и ее достатком перешили юношескую слабость. Неожиданно даже для самого себя он рухнул перед отцом на колени.

— Уговори боярина, тять, высватай Фросю мне в жены. Век за тебя Христа молить буду.

Еким как стоял, так и сел, но в волнении оказался на полу. На сей звук прибежала Лукерья. Она уже давно следила за братом и ожидала от его стараний какой угодно злобности.

— Ох, ох, всю душу испалил, злыдень окаянный, — стонал купец, схватившись правой ладонью за сердце. Он силился подняться и приманивал кого-то левой рукой. — Помоги-ка мне, дочка, опереться на тебя.

Лыкисов наконец встал на ноги, а после присел на услужливо поставленный табурет.

— Христом Богом клянусь, порешу себя в одночасье, ежели помощь не окажешь в сватанье.

— К Шиловскому я не ходок, — взмах руки резанул воздух. — Решай свою жизнь как хочешь, но сего от меня не требуй.

— Тогда доложу ему или воеводе, что у нас беглый обретається, — внезапно выпалил Демид. — Наверняка где-нито тайно схоронили, а мне розыск проводить недосуг.

— Свят, свят, свят, — Лукерья коснулась пальцами лба, живота и плечей. — Неужто разумно такое допустить, что же ты говоришь, братец? Ведь можно зло принести хорошему и страдающему человеку. А более — предать родного отца.

¹⁴ Паря (северодialeктн. форма) — парень, юноша.

Девушка не могла оставить без внимания угрозу Демидки. Требовалось скорее предупредить Афанасия о грозящей ему опасности, который поэтому и не спешил показываться в келейке до глубокой ночи.

Остаток дня юноша провел в спальном покое, опалившись на отца. Долго лежал, не раздеваясь, на постели и уткнувшись в подушку. Ей одной доверил свое безутешное горе, больше никто не смог сочувствовать в достаточной мере.

Вечером к Демиду вошел Еким, принес ему холодный ужин.

— Ничего, сын, твоя беда износится.

— Все равно любить ее буду, и не перестану никогда.

— Правильно, — качнул головой отец и прикоснулся к вздрогнувшему плечу. — Чай, не деревяшка сухая, так и должно быть, сынок.

* * *

Ноябрь каждодневно набрасывался на землю с дождливыми кулаками. Он безжалостно терзал леса, поля, деревни и город. В свирепой слепоте свистящий ветер с шумом трепал почти голые деревья, пригибая слабые и тонкие, словно былинки. Однако осенняя непогода недолго показывала свое недоброжелательство. Порою тучи разбегались, уступая место небольшим облачкам. Выглядывало уже холодноватое солнце, которое почти не согревало остаточным теплом остывшую землю.

Иной прохожий мог при солнечном свете даже издали увидеть яркую вывеску на воротах купца: «Лыкисов со товарищи. Пряжа и холсты». Товар Екима шел ходко. Поначалу Стрелецкая покупала да Беломестная, где Покровская церковь высылась. А позже о купеческом тканье заговорили в остальных воронежских слободах. Казачья и Пушкарская, Затинная, Ямская и Напрасная брали товар да нахваляли.

Боярин устроил разнос своим приказным, заметив постоянное прибавление холстины. От ее вида воротило взор. Шиловский сам признавал, что качество тканья могло быть много лучше, но требовать этого не имел силы. Люди постоянно недоедали и недосыпали. К чести сказать, и ткачи никудышные: набраны по деревням пьяницы да гуляки. Все бы еще ничего, но появился Лыкисов. Он и купчишка неприметный, таких на Руси тысячи. И все-таки сумел вставить палку в колесо. Телега с товаром застряла, не едет, окаянная, на базар. Рублевики летят на ветер, должны пользу приносить, а пока что убитками возвращаются. Впору артель прикрывать. Вызвал к себе доверенного слугу и нетерпеливо дожидался его прихода, поглаживая на коленях рыжего кота. С появлением Прохора Рыжик был сброшен. Епифан Федотович встал с мягких подушек и испросил у человека совет.

— А что сказать, оно и можно: доносчика надобно звать. Подленький человечек за угрозу што хош сотворит, каку потребу надобно, то и выложит. Даже ударить не грешно, да и нужно ли... прогнется, травушкой ляжет.

— Верно баешь, будто кот на завалинке. Посылай за Демидкой, да Ефросинье скажи цидулку начертать.

Ожиданье томительно, кажется, и время совсем не движется. Круговерть солнца замерла, уступив некоему постоянству, что латынской константой прозывается. Пребывать в таком состоянии надоедает уже довольно быстро. Хочется перемен и действия, но приходится ждать.

Демидка стал на пороге, появившись, как виденье. Глаза сверкают довольством, лицо блестит ласковостью, что масленичный блин, рука протягивает клочок бумаги. Голова поворачивается, взор ищет предмет вожделения.

— Где моя любушка, цветик мой ненаглядный?

Боярин строгостью взгляда свергает пришедшего с небес на землю.

Юноша сразу побледнел, догадавшись, кому нужнее всего этот вызов.

— Обскажи точно, да не медли, какими способностями обладает твой купчишка, коль скоро сумел меня обскакать в кумпанских делах?

Брови Шиловского сдвинуты к переносице, в очах грозный блеск, не предвещающий ничего доброго.

— Ответствуй, отрок, незамедлительно!

— Тятькины трудники ткут да прядут от зари до зари, правда, час они обедают, — начал Демид, заикаясь.

Но далее он успокоился и сообщил боярину все, что знал сам и слышал от сестры или отца. Длительной и доверительной беседы не получилось, как бы ни хотелось Шиловскому.

— Все! Это слышал и я, секретов особых не зрю. Чувствую, есть какая-то загадка у Лыкисова. Может, лукавый ему помощника скрываемого послал?

Демид сразу изменился в лице, он не только жался, став почти незаметным, но, вроде, и опустился почти к земле. Сжатые губы даже побелели, будто боялись обронить нечто сокровенное, памятуя о наказе сестры.

— Выкладывай, не скрывай от батюшки. Потрафишь¹⁵, от меня благоволение изведаеть.

Ефросинья стояла на пороге комнаты, прислонившись к створкам открытой двери.

— Беглец незнамый обретается, — хрипло вымолвил юноша и помертвел от страха.

— Вот она, закавыка! — хлопнул по колену боярин. — Следовало бы сразу догадаться.

Немедля был поставлен под конь боярский рыдван, обитый изнутри красным атласом. Даны указания кучеру, щелкнул кнут, сытые кони тронули рысью.

Шиловский вознамерился, не откладывая дела, просить защиты у Горчакова, ибо слышал, что сей доблестный муж никоим образом не является ярым поборником деяний молодого царя.

«Должен найти управу на купчишку», — подумал боярин, злобно усмехнулся и слегка вздремнул.

И очнулся от резкого звука открываемой дверцы.

Карета стояла подле одноэтажного деревянного дома с оконцами венецейского стекла. Вроде бы особо и не выделялся среди простых жилищ городских богатеев, однако места в нем хватило бы еще на две семьи. Благо, воевода жил с женой сам-друг — детей у них не было. Глаз мельком уловил расписанные внутри покои, на полу везде лежали бухарские ковры, которые хозяин дома получал в благодарность с менового двора и торговых застав.

Незримо объявившийся слуга провел знатного гостя в приемный покой воеводы, пока тот отсутствовал по какой-то надобности. И здесь ожидание имело свою власть. Не с радужным настроением прибыл сюда боярин, ибо дело не приемлет веселости. Но взглянул на портрет царя, хотя и аляповато нарисованный и висевший над воеводским столом в богатой, раззолоченной раме, и муторно стало на душе. К тому же, выражение лица у Петра на портрете было строго внимательным, как бы обязывающим к деянию высокому и благостному, но никак не подленькому и потому безобразному. На голове боярина почти всегда на уровне глаз сидела высокая горлатная соболья шапка, из-под которой ее владелец, Бог ведает как, обозревал грешную мирскую суетность.

Шиловский будто издалека услышал шаги Горчакова и, невзирая на свое высокое происхождение, упал на колени.

— Кормилец и благодетель, Савин Семенович, безвинно от купчишки Лыкисова претерпеваю, — истошно заголосил боярин, стучаясь лбом в пол. Горлатная шапка покинула лысеющее чело, оголив редкие седые волосы.

¹⁵ П о т р а ф и т ь (архаич.) — угодить, оказать услугу; сделать доброе дело.

— Как беда стеганула сзади, быстрехонько прибежал со слезьми, — упреком встретил воевода.

— Давно я собирался к тебе, да все недосужилось...

Наконец оба поприветствовали друг друга, усевшись на поданные слугою стулья. Слово за слово, и Горчакову стало приятно нетерпение родовитого богатея, у которого из-под носа постоянно уводили немалую прибыль. Душила его злоба при виде честного дела. Видать, долго он ее копил, прежде чем заявиться сюда с жалобой на строптивного купца, сын которого оказал посильную помощь, предав родного отца.

— Беглец-то сей не нищесбродствует, в татбе не примечен, работой занят, обзавелся господином: повеление государя исполняет. Люди товар нахваливают, и хозяина впридачу. Повода для сыска не зрю.

Надо было видеть позеленевшее лицо боярина, рыжеватая борода затряслась, очи гневно округлились. Пухлые пальцы, украшенные перстнями и кольцами, готовились вцепиться в плечи Горчакова. Тот, будто предвидел злое намерение, отодвинувшись от разгорячившегося гостя.

— Не имею права наказывать Екима, пусть умножает свое богатство, а заодно и казне городской какой-нито прибыток. Это такожде веление царское.

— На руку супостату моему глаголишь? — исходил криком Шиловский, вращая очами и брызгаясь слюной.

— Будешь еще борзость свою показывать да лаять меня? — воевода не менее грозно остудил напористость просителя.

Понял последний, что здесь нахрапом не возьмешь.

— Воеводушка, не кобенясь ты, ради Христа.

Уж очень не хотелось Горчакову ввязываться в подленькое дельце, да боярин был богат, знатен, имел связи в Москве.

— Ладно, — переводя дух, как от быстрого бега, примирительно произнес Савин Семенович. — Единомышленникам помогать полезно. Вместе по одной половине ходим.

* * *

Еким и Афанасий сидят в тепло натопленной пристройке. На небольшом столе, приятно согревая душу, высятся горками серебряные и медные монеты. Последнее время их стало еще больше. Ткачи и прядильщики работают не за страх, а за совесть; производят качественный товар в достаточном количестве, который охотно раскупается местным населением. И приносит владельцу артели приличный доход. Часть полученных денег купец ежемесячно относит в городскую казну и подтверждает разрешение властей на производство тканья и пряжи.

В печи весело потрескивают березовые полешки, на которых бегают огненные змейки. Они юрко перескакивают с одной деревяшки на другую, оставляя после себя обугленные черные пятна. Береста на поленьях жарко вспыхивает, задирается колечками и шумно сгорает.

Васильев лишь краем уха слушает восторженные подсчеты купца. Московский гость бездумно кивает головой, порой улыбается невпопад, но в полумраке комнатки это плохо видно. Он думает о дочери хозяина, пытается живо представить ее шелковистые темные волосы и большие бархатные глаза с ласковыми ресницами. Сколь совершенна эта девичья фигура, более похожая на женскую. Полная высокая грудь плавно переходит в чуть выступающий живот, а покатые плечи — в маленькие руки и широкие женственные бедра.

— А, чтой-то? — Афанасий поднял голову и кивнул Екиму, а сам продолжал смотреть на пламя в печи, вспоминая милое лицо Лукерьи.

Так продолжалось еще некоторое время, которое наконец закончилось. Васильев шумно поднялся со своего места, направившись в общее помещение. — Недосуг мне, чай, не на посиделках, надо дело исправлять.

Лукерья готовила в избе вкусное варево, заметив спешно засобиравшегося куда-то брата. Демид мечтательно закатывал глаза и подносил к губам клочок бумаги. Девушка сразу сообразила: никак послание от Фроськи. Вот раз бы посмотреть на боярскую дочь, стоит ли брат той крали, что сняла с него голову. Он опрометью вылетел, кинувшись по мерзлой дороге. Зябко. А в доме истинное сугрево, да любопытство к делу приравнено, а бабы до сего познания дюже охочи. Не смогла пересилить женскую сущность. Следом живо оделась и, кинув взгляд на затухающую печь, выскочила на холод и прижала плотнее дверь. Слава Богу, Демидка не повернул голову, не заметил за собою подглаго. Молодые ноги быстро принесли парня к боярским хоромам. А ведь истинно — хоромы. Богатейшие! Два резных крыльца, в оконцах не слюда или бычий пузырь, а настоящее венецкое стекло. На коньках разрисованные петухи. Диво, какая красота!

Лукерья надумала подождать толику времени, а после и обратно ко двору поспешать: ветер поднялся холодный. Только она собралась покинуть потайное убежище, внезапно увидела спешно вышедшего боярина, который садился в свой нарядный тарантас. Порыв ветра донес до любопытных ушек указания для кучера. Так вот куда вознамерился, мизгирь проклятый. Даже дрожь пробрала все девичье тело при мысли, если воевода направит кого указующим перстом. Нужно немедленно упредить отца и Афанасия. Губы прошептали последнее слово, отозвавшееся в сердце приятным теплом. Девушка живо подобрала полы платья и поторопилась обратно, чтобы сообщить в доме страшную новость, которая предвещала беду московскому гостю.

Мужчины еще находились в пристройке, хотя работа на сегодня была закончена по случаю предстоящего праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы. Испуганные и расширенные ужасом глаза встретились с благодушной успокоенностью. И сразу тревога передалась мужчинам.

— Тятка, беда грядет неминуемая, — прошептали губы, а ноги не смогли удержать уставшее тело.

Афанасий первым подскочил к Лукерье и обнял ее сильными руками, кажется, поднял бы над землею да и никогда не опускал.

— Уводи Афоню на дальний хутор, воевода сыск учинил, боярин желает нас со свету сжить.

Быстро начавшиеся сборы длились недолго. Улучив момент, дочь сообщила отцу, что виновником их напасти является Демид.

— Совсем парень башку потерял. Вроде большой, а дите дитем.

Через некоторое время Васильев вырос перед хозяевами тепло одетый, с узелком вещей в руке.

— Присядем на дорожку, — предложил Еким и поискал глазами табуретки, которые после поставила Лукерья.

Сидели в абсолютной тишине и прислушивались, будто и в самом деле ожидали тайного знака от хранителя домашнего очага. Однако домовой даже ничем не прорешуршал.

— Пора тебе, Афоня. Дочка доведет до места, порученье кому следует передаст, она и вслепую туда дорогу сыщет.

Внезапно Васильев резко шагнул к Лыкисову, склонился в поясном поклоне и тут же выпрямился.

— Не хотел, слыш-ко, сказывать, но за твою отецкую заботу да христианскую добродетель поведаю о новости для тебя радостной. Самолично от князя Ромодановского слышал: царь Петр в Воронеж поспешать станет. Будет на реке галеасы, галеры да

прочие струги ладить, а им понадобится справная парусина, ее ты сможешь предложить государю. А он-то уж отличит качество от количества.

У купца от удивления даже челюсть упала.

— Если бы не от тебя услышал такое, никому другому не поверил бы.

Не стал Афанасий доказывать хозяину дома правоту своих слов, хотя этого и не требовалось. Лыкисов уже позже винил себя за недоверие к бывшему крепостному царского стольника. Глазами еще долго провожал двух близких людей, вынужденных уходить от произвола несправедливости и зла. Стоя спиной, и не заметил, как в избу змеей вполз семейный уродец.

* * *

Уже смеркалось. Дни ноябрьские коротки: пора предзимья, все движется к самой длинной ночи. Едва хозяин ступил на порог избы, сразу и гости явились. Привечать внезапных посетителей было нечем, да и от них гостинцев не жди. Хорошо и то, что какие-нибудь новости поведают... Но не обрадовался купец, увидев таких гостей. Из рывдана вышел сам боярин Шиловский, а с запяток слезли два вооруженных стрельца из воеводской сотни.

Родовитый и богатый первым шагнул к жилью, не снял шапки и не поприветствовал хозяина. Глянув в красный угол, словно нехристь, не исторг из горла даже шепота молитвы, не перекрестил лба.

— Показывай, где тут беглого сокрываешь, едино проведу.

— Воля твоя, Епифан Федотыч, — спокойно заявил Еким, — токмо никаких беглецов не прячь и слыхом о таких не слыхивал.

— Врешь, окуанный. Все вы тут от воровского семени: что ты, что твой дружок Полагин. А, может, вы еще и двоеданы¹⁶ тайные, сокрылись от царских податей, а казна нищает.

Шиловский грузно шагал по избе, осматривая каждую комнату и угол. Стрельцы едва поспевали за ним. И вдруг в груди купца начала расти еще большая неприязнь к этому человеку, а после внезапный страх пересилил ненависть. И чем ближе придвигался боярин к заветной каморке, тем сильнее краснело лицо Екима.

«Будь здесь Лукерья, она бы сразу навела порядок, сокрыла следы пребывания Афонии. А тут замешкался, даже и мысли не держал, что могут с поисками сюда нагрнуть».

— Кто здесь живет? — грозно осведомился боярин, минуя дверь келейки, открытую одним из стрельцов. — Небось, беглый. Самого в кайданы облачу, в Сибири сгниешь!

— Жена моя здесь померла, более никто не пожелал обитать.

Лыкисов лгал смело, не опасаясь гнева Божия, но в его положении иного выхода не существовало.

— Постель мята недавно, сразу видно, что прятали кого-то.

— Может, и дочка переночевала либо сынок, — купец продолжал гневить Небесного Владыку, увеличивая свой грех.

Понял Шиловский, что немного опоздал, птичка упорхнула. Доказать ничего не возможно. Это подтвердили и стрельцы.

— Пойдем, боярин, кто-то помог купчишке. На предположениях да досужем вымысле вины не выстроишь. Не в пыточную же его тащить за мятую простынь.

— Все равно я на тебя управу найду! — громко пригрозил Шиловский. — Я просто уничтожу Екима Лыкисова.

¹⁶ Так в стародавние времена называли раскольников, не принявших новшеств патриарха Никона, его реформ, а потому плативших казне двойные подати.

Через малое время изба опустела, рыдван уехал. Но еще долго чувствовались оставшиеся ненависть да злобность, замешанные на обыкновенной зависти.

Утром выпал первый снежок. Он падал крупными влажными комьями, прилипая к веткам и стволам деревьев; нахлобучивался на кресты и купола церквей, на крыши домов и горбатые пики журавлей. Не стало видно грязи, исчез всякий мусор и прочие уличные мерзости.

Вместе с первыми лучами утреннего солнца вернулась домой Лукерья. Еким сидя дремал на койке в комнатке Афанасия. Дочь так и не успела спросить отца обо всем случившемся. Почти сразу же пришедшие бирючи прочли указ воронежского воеводы о запрете купцу Лыкисову прясть шерсть и лен, также ткать холсты. По окончании дела люди вручили приговоренному грамотку и важно зашагали по грязной дороге восвояси.

Лукерья слушала слова приговора и откровенно рыдала, уткнувшись в плечо отца. Вышедший из спальни Демид, молча взирал на родню и покусывал от волнения губы.

— Не плачь, дочка. Не сердитую я на ихнюю темноту и ослепление... Воздай им, Господи, добром за зло, а мои худые слезы видит один Святой Георгий. Любя Господь наказует, и нужно любя терпеть худые вести.

— Боярин из-за злобства своего понудил нас к нищете.

— Головушки горе-горькие, за какие родительские грехи такое сподобилось, за что напасть такая? — спрашивал Еким в присутствии сына и дочери, но, казалось, что вопрошает более себя. — Боярин кричал, кричал на меня, и рот не смыкался, и лихо-манка его не взяла.

* * *

Как-то незаметно прошло Рождество Христово, а следом, после страшных морозов наступило Святое Богоявление. Снега в этом году навалило небывалое количество. Сугробы добрались до крыш невысоких изб. Благо, что порой солнце слегка пригревало, и снежное покрывало сверху подтаивало, а ночной мороз напоминал, что не время еще для весны. Ребяшня взбиралась по твердому настилу как можно выше и после скатывалась сверху. Гомона и визга, страсть! На санках непременно провалишься, а на дощечках — сподручнее.

Ближе к празднику чередой поползли оттепели. Сначала разгулялись ветры, пригнали снеговые тучи, посыпалась мелкая крупа, мокрая и липкая. А после все стихло. Какой с осени остался листик, висел на ветке, не шелохнулся.

На Сретенье Господне в городе ярмарка. С утра было пасмурно и туманно, но ближе к полудню все куда-то исчезло, даже тучи скрылись, явив миру освобожденное светило. Вся улица от Успенской до Богословской церковью уставлена торговыми постройками. Шум и крики плещут через край.

— Сбитень!.. Сбитень!..

— Пироги, расстегаи, пампушки!..

— А ну, народ воронежский, кому блинов горячих?..

Лотошники и разносчики, раскрасневшиеся на ветру и легком морозце, важно проходят среди гуляющих, порой пробегают, отзываясь на просьбы покупателей.

— Баранки да сушки, бублики-калачики, свежайшие!..

— Господин честной, пожалуйте сюда!..

— Государыня-боярыня, милости просим!..

— Икра астраханская, стерляди да осетры знатные!..

В лавках множество товара, но цены недоступные, не всякие могут переступить высокий порог. Торговцы врут, не страшась гнева Божия, лишь бы сбыть подороже предложенное.

— Уступлю, по возможности, ей-Богу, ни за что отдам! Если берете, себе в убыток, не пожалею...

— А вот самый лучший товар, купно продам, дешевле станет.

Зазывалы из лавок загораживают собою дорогу прохожим. Они наперебой вычитывают, словно молитву, поют, как песню, выкрикивают длинные перечни товаров. Не в меру ретивые чуть ли не затаскивают в лавки молодых барышень, суют им в руки всяческие безделушки, предлагают разглядеть или примерить, и сразу требуют оплаты. Они незамедлительно получают деньги от опешивших отцов или женихов.

Боярин не скупится на подарки и покупки любимой доченьке. Девушка принимает все с радостью, даже не мысля об отказах и запретах. Рядом ступающий Демид ужасно счастлив, он мнит себя чуть ли не зятем Шиловского. Ему тоже приятно видеть сгибающихся в поклонах продавцов и горожан, пришедших не столько купить, сколько поглазеть на прогуляться.

Холсты и парусина боярина нарасхват. Его зазывалы и приказные умеют всучить даже гнилой товар. А он воистину никудышный, но дураки берут, еще нахваливают. Сумели-таки Горчаков с Шиловским всех либо застращать, либо головы им изрядно задурить.

После запрета дела Лыкисова пошли из рук вон плохо. Все местные будто сговорились. Воеводские служаки выполнили заданное. Уже половина города ведала о купце-преступнике, поднявшемся против власти воеводы и его приятеля. Непозволительно! Потрясали кулаками знакомые старцы-бородачи в горлатных шапках, возмущались богатеи-дворяне и прочие недалекие людишки. Кто осуждал купца, но иной, даже не зная ни о чем, сердечно прощал. Теперь только какой заезжий проходил в ворота под вывеской. Эти люди явно не ведали о приказе воеводы. Заходил сюда и иной из местных, который не желал брать расхваленное дерьмо.

— Лопни мои глаза... Пусть я провалюсь на эфтом месте... Не видеть белого света... Расшиби меня родимец, если хоть в одном слове вру! Смотри и удивляйся, какая парусина. Прочны холсты, прочнее быть не могут, из псковской да вологодской пряжи. А ленок там первостатейный.

Полотно пробовалось на разрыв, разглядывалось на свет; покупатель убеждался, что нить не рвется, а плотность на редкость удивительная. Тогда руки доставали заветный кошелек, откуда извлекались серебро и медь.

Купец сам поражался своей велеречивости, да деваться было некуда, денег от проданного товара явно маловато. В довершение всем напастям, мастеровые один за другим начали куда-то исчезать. Вот уж действительно беда!

— Тятя, что же теперь нам делать? — слезно вопрошала Лукерья, вытирая со щек глазную влагу.

— Уповать на благодать Божью. Истинно верующего и не отчаявшегося Господь непременно поддержит. Беден бес, богат Бог милостью.

Внезапно Еким твердо глянул в глаза дочери, показав ей рождение удачной мысли.

— Пойти-нито к Савину Семеновичу, покаяться в грехах, может, простит да отменит приказ.

Купец суетливо забегал по избе, собравшись открыть сундук с вещами.

— Вот уж оболоску и предстану Горчакову.

— Не ходи, тятя, расказнит тебя воевода.

Куда-то исчезло стремление, тело обмякло, чувство страха довершило начатое закрывшимся сомнением.

— А и то верно, дочка. Не стоит лезть волку в пасть. Но как-то же нужно спасти нашу жизнь!

— Господь все управит, — смело заявила Лукерья. — Барыш с накладом на одном полозу ездит.

Будто отзвуком просьбы купца и его дочери — очередное появление друга. Пола-

гин вошел в прихожую возбужденно-радостный, поприветствовал хозяев и сотворил молитву, возблагодарив Всевышнего.

— Всякое благо дому сему.

Объятия друзей подтвердили истинность отношений, а быстро накрытый стол — гостеприимность хозяев. Еким пожаловался Гавриле на суровость судьбы.

— Знаю, знаю, люди все рассказали, посему и о помощи побеспокоился. Трудники твои теперь на дальних хуторах, там с Васильевым все обустроено.

Действия купца хватило лишь на немое восхищение.

— Ты настоящий друг, и не однажды доказал свою верность.

— Правда, продавать ткань приходится на сторону. В основном берут из отдаленных городков и деревень. Приезжают даже с низовьев Дона. Боярин себя не помнит от радости: уверен, что похоронил наше кумпанство.

Последние слова друга переполнили чашу терпения Лыкисова. Еким отозвал его в другую комнату, на что Лукерья лишь лукаво усмехнулась, и вполголоса пересказал Гавриле сообщение Васильева.

— Теперь понятно, зачем под Воронежем царский стольник объявился.

— Крестьянишек согнали со многих окрестных деревень, они деревья таскают, пилят и мерзлоту долбят. Худые все да голодные, клянут на чем свет Гришку Титова.

Лукерья самодовольно улыбнулась, сообщив свои новости.

— А я, верно, утоп в своем горе-злосчастии, совсем не ведаю и не вижу, что вокрут дется, — чуть не плача молвил купец.

— Теперь надо как-нито продержаться до приезда государя, а там, глядишь, и на нашем подворье Масленицу отпразднуем.

В радостной беседе время пролетело быстро. В оконце уже сумерки глянули, когда Полагин вдруг засуетился, начал собираться ко двору.

— Не сокрушайся, друже, понемногу с Афоней дело наладим. И если прав твой московский гость, первым человеком здесь станешь.

Не мог Еким оставить без пристального внимания сей подарок судьбы. Вознамерился незамедлительно посетить ближнюю церковь и совершить благодарственный молебен.

— Сходи, тятя, ежели желаешь, и я с тобою, — поддержала Лукерья неуверенное желание отца.

— Дома находиться тебе потребно, — настоятельно высказал он. — Не ровен час, блудный сын явится.

Поведение Демида беспокоило и настораживало. В безудержном желании породниться с богатством и знатностью юноша соглашался на любую подлость, готовый следить за собственным отцом. А Шиловский не только старательно потворствовал сему, но даже принуждал, натравливал одного человека на другого.

«Ничего, ничего, — утешал себя купец. — Отольются кошке мышкины слезки».

* * *

На дворе месяц лютый. Мудрые латыняне нарекли его февралем, в честь народных очистительных празднеств «фервалий»¹⁷. Начало его — последняя треть зимы. Все вокруг белым-бело. Снег густо землю укрыл, под мертвенным зимним саваном крепким сном спят леса, поля и доли. Поднявшийся ветер срывает с деревьев слезавшуюся пушистую шубу, пурга пуржить начинает, скоро ни зги не увидишь. И какой лешак мчит на санях, мечет на стороны ошметками мерзлые комья, летит по проторенной ямской дороге. Кому же не быть, как посланнику царскому. Для него всякая погода — ведро.

Кучер сидел перед крытым кузовком, а не верхом на лошади, как то было принято

¹⁷ До реформ Юлия Цезаря этот месяц был последним в году, поэтому жители Др. Рима совершали очистительные обряды, готовясь к встрече нового года.

обычаем. От путника, дремлющего на меховых шубах, не ускользнуло природное озорство в его глазах. Возница порой оглядывался назад, посмеиваясь в роскошные усы, и поглаживал окладистую бороду.

— Страшно, поди, боярин, смотри, здесь лихое место.

— Что ж мне, волков бояться, так ж в лес не ходить?

— Тут другие волки, о двух ногах, с кистенями.

— А самому-то как?

— А мне, боярин, не положено это. Наше дело — седоков по свободному пути возить. За боязнь нам не платят.

Поговоривши немного, отвлеклись от возможной опасности. Глаза устало схватывали надвигавшееся впереди и мелькавшее по бокам. Но особого желания к наблюдению не было. Да и на что глядеть-то? Что с одной стороны, что с другой — одинаково неприглядно.

Чередуются между собой то леса дремучие, то лощины да взгорья, то болотная топь. Редко-редко встречаются на пути захудалые, вовсе нищие деревеньки.

Не радостно глазу смотреть на то. Пусть лучше голову чаще дрема долит.

Чуть смерклось, и то тут, то там послышался леденящий душу заунывный вой. Возница незамедлительно положил рядом с собой два заряженных пистолета. То же самое сделал и человек в возке, оглянувшись назад.

Два изголодавшихся лесных жителя преследовали сани, меткие выстрелы умерили их пыл. Однако волчья стая не желала сдаваться и послала трех матерых волков наперерез летящим галопом коням. Запах пота и предвкушение пиршества вынудили самого голодного броситься на пристяжного. Но сил оказалось недостаточного для мертвой хватки. Волк бревном рухнул под копыта коня. И сразу же из пистолетных стволов вылетели два столбика огня. Хищники перевернулись через головы, оставшись лежать на снегу. А сзади по дороге бежали еще трое, желавшие отомстить за гибель соплеменников. Прогревшиеся выстрелы оказались напрасными: сани сильно тряхнуло на повороте. Кони мчались теперь понукаемые страхом и возбужденные пистолетным грохотом. Волкам удалось пройти напрямую и оказаться возле возка. Сидевший в нем мужчина уже видел горящие злобой и алчностью глаза хищников, слышал их прерывистое дыхание. Но вот наконец оружие снова заряжено, взведены курки, выстрел, осечка. На помощь бежавшему справа волку присоединился переместившийся сзади. Теперь две оскаленные пасти направлены к седоку, руки которого лихорадочно заряжают пистолеты.

— Подхлестни лошадей! — крикнул путник и почти в упор выстрелил в обнаглевшего волка.

Следом блеснули сразу две молнии. И почти тут же, на взгорчье, лошади стали. Только сейчас сидевший в возке увидел самодовольное лицо кучера, прятывшего еще дымившиеся пистолеты.

— А ведь мы вполне успеем поспраздновать на Сырной седмице в Воронеже. Там в кабаке доброе вино подают.

Судорожный смех ехавшего прервал слова возницы, который сразу смолк. А спустя мгновение дружно хохотали оба мужчины, испугавшие опасно озиравшихся животных. Вскоре они тронули шагом, потом рысью, приближая санный возок к показавшимся воротам города.

* * *

Дом воеводы сегодня полон гостей. На одном из почетных мест восседает Шиловский. По обе стороны от хозяина дома удобно расположились еще два родовитых богатея и иерей отец Гавриил, далее сидели дворяне и прочие городские толстосумы. Торжество по случаю золовкиных посиделок. Приглашенные следуют многовековой

традиции масленичных дней, памятуя о предстоящем Великом посте. Поэтому питьё и еда изобилуют на праздничном пиршестве. Вина фряжские, крымские лились рекой, пили и медовуху. Ествы хозяйка дома выставила на столы всевозможные.

Свинина «верченая» и подовая стояли на видном месте рядом с обжаренными гусями, индейками и тушеной бараниной, от которой исходил невообразимо ароматный запах. Сразу подали уху щучью с перцем, а после заморское хлебово с маслинами и лимонами. В глиняных узорных корчажках скромно спряталась черная икра, вареная в уксусе и маковом молоке. Вперемешку с сырами губчатыми и сметанными теснились стерляги паровые, таранчук белужий и осетрина косячная. Позже прислуга принесла заедки: пироги подовые с маком, левашники. Много было разных коврижек, пряников с вареньем и глазурью, леденцов. В стеклянных чашках красиво высились горки моркови с медом и имбирем, редька в патоке.

В перерывах между обильными винными излияниями и пробой закусок мужчины с жаром судачили о важных делах в стране, думая, что их высказывания и пожелания могут что-либо изменить во внешней или внутренней политике. Им страсть как хочется находиться на острие важных государственных проблем. Их бы в Боярскую Думу...

Уединившись в небольшой комнатке, отец Гавриил сам-друг с боярином жаловался Епифану Федотовичу на сильные перемены в порядках и нравах духовной жизни. Служители церкви стали больше заботиться о плотской пище, набивая брюхо. Нет тщания в молитвах и в приобщении людей к неиссякаемому Источнику Христову. Все перевернулось, люди кинулись извлекать выгоду.

— Сами в том повинны, ослабили требования к себе подобным, — смачно дожевывая гусиную лапку, пробурчал боярин и продолжил мысль, начатую духовным лицом:

— И в миру пошатнулась жизнь. Семейные узы стали слабы. Муж, пожелавший избавиться от постылой жены, призывает в дом монаха. И тот за добрую мзду постригает неудобную в монахини, даже не спрашивает: хочет ли она принять иночество. Даже браки монахи венчали, чего им делать никак не дозволено.

Раздумчиво, словно бы размышляя вслух, тщедушный иерей обращался к Шиловскому и вопрошал:

— За что меч гнева Божия так долго поражал Россию во времена смуты, и чьи грехи навлекли на нас гнев Божий?

И сам тут же отвечал:

— За грехи разных правителей и царей, которые безбоязненно грешили. И за грехи народа, что молчал, а не обличал притеснителей в их греховных поступках. Вот и постигает небесная кара Русскую землю за всего мира безумное молчание, еже о истине к царю не смеющие глаголати о неповинных погибели.

А в столовом покое оставшиеся бояре, уже будучи в совершенно непотребном состоянии, спорят друг с другом совсем ни о чем, доказывают превосходство над простолюдем. Иной бахвалится своими связями, покровительством в столице, что позволяет такому даже пренебрегать соблюдением законов и порядков.

— И на тебя, уважаемый, управа найдется, — икнув, возражает другой знатный бородач. — Князь Ромодановский зорко следит, чтобы царские указы неукоснительно выполнялись. И ради того принимает строжайшие меры. Попробуй послушаться, кто бы ты ни был, живо попадешь на бесчестье в Преображенский приказ.

Страсти накалялись по мере продолжения пиршества. Многие уже были окончательно пьяны и дремали, сидя за богатейшим столом. Лишь двое продолжали начатый спор. Появление одного из слуг они даже не заметили. Он быстро шагнул к Горчакову, что-то прошептал, наклонившись. И почти тотчас в покои воеводы вошел статный русоволосый молодой человек дюжего телосложения, одетый в европейское платье с притороченной на боку шпагой.

— Кто таков, почему не знаю? — шевельнув одними губами, осведомился Шиловский и повернул лицо к иерею.

— Похоже, это Лукьяшка Верещагин, видел я его в белокаменной, возле младшего из царей отирался. Говаривали, будто в дворяне выбился. Тьфу ты, нечисть безродная.

Отец Гавриил оказался прав. 25 февраля в Воронеж примчался соратник государя по юношеским потешным плаваниям на реке Яузе и Плещеево озере, будущий кораблестроитель, а ныне «шхип-тиммерман Преображенского полка» Лукьян Верещагин. Он прибыл в город указом Петра в качестве квартирьера и сообщил Горчакову о скором приезде царя в Воронеж.

— Улита едет, когда-то будет, — прошамкал боярин.

— Дело не во времени, а в истине, а она — на стороне царя, — ответно заявил иерей.

Посыльный потребовал помочь ему подобрать и подготовить жилье для Петра.

— Есть таковое, — кивнул головой Савин Семенович. — Под царское жилье можно приспособить двор подьячего приказной избы Игнатия Моторина, что в Успенской слободе. «А в том дворе... две горницы на омшаниках, у передней — сени, крыльцо, и из сеней позади около трех горниц в комнату и на другое крыльцо сени ж проходные. Да на том дворе погреб с напогребницею и над ним сушила бревенчатые, у ворот изба караульная. В одной горнице в комнате прежняя ж печь обращатая, белые образцы»¹⁸. Чего только не сотворим для государя.

— Ин ладно, — махнул рукою Верещагин, пристально разглядывая лицо воеводы. Нечто подозрительное увидел в нем столичный посланник, но не стал ничего говорить.

Он незамедлительно отправился к хозяину приказной избы, оставив Горчакова в покое, чему тот был изрядно доволен.

* * *

Хозяин подворья встретил посланца с искренней радостью. Моторин слыл человеком простым и бесхитростным, принимавшим существующую власть безропотно, как должную. Эта черта характера пришлась по душе Лукьяну. Он даже пожаловался воронежцу, что у государя слишком много недоброжелателей, а тайных — вообще не счесть.

— И в Воронеже они имеются, — загадочно и многозначительно кивнул головою Моторин. — Иных я лично знаю, показали.

Тихая доверительная беседа продлилась еще некоторое время, в течение одного человек выяснил интересующие его сведения, а другой — честно выложил хорошему другу о своих опасениях, веря молодому венценосцу как Богу.

— И кто же тебе о них поведал?

— Сказывал юродивый наш, Хворобушкой кличут. Он и кровь заговорит, и подлечит чем-нито, волхитствует¹⁹ понемногу, люди благодарность ему за то являют.

И, как бы предваряя назревающий вопрос, Игнатий сказал:

— Сыскать его просто: он чаще у ткацких лавок Шиловского обретается, где боярин тканьем торгует.

Лукьян ожидал встретить немощного старца в звенящих веригах, в жалких лохмотьях, со стружьями болячек на обнаженном теле. Хворобушек оказался довольно молодым, одетым в старенькую, но вполне крепкую и теплую одежонку, цепи не бряцали на шее.

¹⁸ Сложенная по европейскому образцу, изразцовая печь.

¹⁹ ...в о л х и т с т в у е т (устар.) — подобно языческим жрецам (волхвам и кудесникам Древней Руси) занимается врачеванием и гаданием.

— Вот что, мил дружок, сказывал мне один знакомец, будто ты токмо для глазу людского притворяешься убогим, а на самом деле — зазнамый волхит: и кровь заговариваешь, и с порченными людьми отваживаешься, — прошептал на ухо парню Верещагин, а сам пристально посмотрел в его бесцветные глаза, в которых плясали огоньки страха.

Хворобушек вздрогнул и побледнел, он воистину утрашился, да и как было не испугаться этого москаля в германском платье.

— Поклепали напрасно, господин шхип-тimmerман. Куда мне при моей худости такими непотребными делами заниматься?

— Ой ли, — усмехнулся Лукьян. — На невиноватого с поклепом? — Но тут же его лицо посерьезнело. — Не бойся, не выдам никому, а дельце у меня есть к тебе, и не маленькое. Озолочу, коли потрафишь, а нет — так и не взыщи...

— Мягко стелешь, боярин, да жестко спать.

— Уж тебе ли выбирать, — качнул головой царский посланник. — Благодарю Господа, что еще в Преображенском не доводилось гостевать.

И опять смертушкой от москаля потянуло. Согласился.

* * *

Езживал по дорогам самым худым и беспокойным. Снимался царь с места легко, безо всяких сборов отправлялся в самые далекие поездки. В своем «парадизе», взятом на время у кравчего Кирилла Алексеевича Нарышкина²⁰, за день успевал побывать в разных концах — к походам и поездкам ему было не привыкать.

Шестерня, запряженная цугом, тронулась с места. За царской каретой покатыл многолошадный, многотележный обоз. Тянула вслед отбывшему царю свои коростяные руки смрадная и убогая людь.

— Не забудь... Не спокинь...

Ехали долго и, казалось, пути не будет конца. А тут еще внезапная оттепель, зачастили дожди, и в густую непролазную грязь замесились дороги. Вместе с Петром тяготы и лишения разделили его личный друг, контр-адмирал Патрик Гордон и генерал-полковник Преображенского полка Автоном Михайлович Головин.

Через некое время царский поезд подъезжал к городу, центральная часть которого была окружена деревянными стенами — общей длиной более восьмисот сажень²¹, а в высоту сажени две с половиною. Стены представляли собой соединенные друг с другом деревянные срубы, сложенные «террасами в четыре угла в замок и в черту», шириной сажень с четвертью. Вдоль стен возвышалось семнадцать башен, на которых стояли готовые к стрельбе пушки. Пять башен имели проезжие ворота, охраняемые воротниками, двенадцать башен были глухие.

Встреченный Верещагиным, Титовым и Горчаковым, Петр остановился в доме Моторина. Горницы там обили полотном, во дворе построили баню с печью и двумя стеклянными окошками, а также поварню. Это скромное помещение, служившее теперь жилищем царю и вместе с тем главным центром морского управления, носило название Государева Шатра на Воронеже. Петр записал тогда после приезда о начале своей морской службы: «Зачал служить с первого Азовского похода бомбардиром».

Громовыми раскатами грянули один за другим пушечные залпы, а орудийную пальбу подхватила рассыпчатая барабанная дробь. Гулкие всплески литавр да трубный рев музыкантов громогласно приветствовали появление в воеводском доме державнейшей персоны. И там, в большом зале, сразу пошел пир горой. Едва успевали чо-

²⁰ Родственник царя Петра по материнской линии.

²¹ С а ж е н ь — старая мера длины, равная трем аршинам (2,13 м).

каяться — то во здравие государя, то одной царевны, то другой. Без конца слышалось: «Пей да пей! Чарка на чарку, не палка на палку!» Много было выпито и красного, и зелена вина. Пито-едено столько, что не все даже привычные животы могли выдержать сие потребление.

— Что это, тять? — испуганно тарачила глаза Лукерья, сиюсья узреть яркие сполохи, исчертившие вечернее небо и сопровождавшиеся оглушительными звуками.

— Бояре с богатеями приезд царя празднуют.

— А каков он, царь, молод да хорош собою?

— Не ведаю, и до сей поры не видел.

— А ежели доведется, расскажешь мне?

Еким обещал все, что угодно, лишь бы дочь не мешала спать.

Ко времени приезда Петра в городе было собрано несколько десятков тысяч «рабочих людей» из окрестных городов и уездов. Они возили необходимый лес, тесали бревна, брусья, доски, варили смолу, работали в кузницах, но работа шла не очень споро.

Царь пишет в Москву письма Тихону Никитичу Стрешневу, князю Ф.Ю. Ромодановскому, дьяку Андрею Виниусу и переводчику Посольского приказа Андрею Кревету. Он требует срочной доставки в Воронеж разобранных галер, особенно ясеневых бревен из Тульской засеки.

«Бревен ясеневых здесь нет, а они зело нужны», а также «образцового циркуля», ускорения поездки в Воронеж матросов из Архангельска. В заключение письма царь присовокупил: «А мы по приказу Бога к прадеду нашему Адаму в поте лица едим хлеб свой».

* * *

С раннего утра Петр перебрался в новое жилье, состоявшее всего лишь из двух комнат с сенями и крыльцом. Рядом находились баня с поварнею, куда поселили взятого от Моторина умельца на все руки, согласившегося служить у государя поваром.

Ведали друзья все повадки Петра: привык он в своих частых походах по-солдатски есть да пить, где ни приведись спать: хоть полено под голову — и захрапел.

Вот и в Воронеже он неразборчивость в еде выказал, удивил даже своего кашевара. Тот позже в кабаке под чарку-другую, проговорился мимоходом. А нелюбы царские шептали поразительные для всех новости. Будто на царский стол самому государю на завтрак поданы — срамно вымолвить — кислые щи с солониной. Перед щами Петр изволил выкушать анисовой водки. А солонина-то уж припахивает, далее какое-то жареное с кашей и огурцом, а на записку — молодой неустоявшийся квас. А царь только и знал, что повара своего нахваливал, да благодарил, — это кухонного-то мужика! И никто диву не давался, как это самодержец прямо из поварских рук принимал кушанье да тут же и ел, не велел сперва, опаски ради, самому повару отведать. Можно бы и другим кому из приближенных, подвластных людей, как это делал, бывало, родитель его, вечно достойный памяти государь Алексей Михайлович, да и до него все допрежние венценосцы.

Днями напролет, порой забывая о перерыве на обед, Петр руководил работами на верфи. Около Успенского монастыря она как бы прерывалась, разделяясь на две части: северную и южную. Основную часть рабочих людей составили стрельцы, казаки, пушкари, драгуны и солдаты из городов Белгородского разряда.

Хороших плотников было много из крестьян близлежащих деревень. Зимой под завывание вьюг и метелей, на трескучем морозе, в непролазных снегах, в бездорожную ростепель, преодолевая все трудности, строили из мерзлого леса галерные суда. Были там норовистые — поджигали около верфи леса, убегали, перехватывали обозы, валили уголь в овраги, чтобы в кузницах работа стояла, перерубали канаты, задер-

живали доставку необходимых снастей. Порою недоедали и недосыпали, а чуть успешная вздремнуть, снова шли трудиться под окриками требовательных десятников. И не однажды видели возле каркасов строящихся кораблей, более похожих на скелеты диковинных чудовищ, высокую фигуру царя и следовавших за ним помощников. Иногда Петр покидал их, оставляя в недоумении, брал в руки топор и, подобно заправскому плотнику, рубил толстые лесины, подгоняя нужную корабельную деталь. И тогда даже на самых мрачных, изможденных непосильным трудом лицах, появлялась сначала едва скрываемая усмешка, а после — открытая улыбка, и топоры стучали дружнее, забыв про усталость.

— Здорово живете! — приветствовал царь своих корабельщиков, подмаргивая одному или сразу нескольким работникам.

— Здравствуй, Петра!

Ни царским величеством, ни батюшкой-государем на корабельной верфи Петр называть себя не велел. И здесь все с этим сжились, принимая как должное. Он регулярно докладывал в Москву о состоянии дел в Воронеже.

«Здесь, слава Богу, все здоровы и суды делаются без мешкоты», — писал государь боярину Стрешневу 23 марта, — «только после великого дождя был великий мороз, так крепкий, что вновь река стала, за которым морозом пять дней не работали; а ныне три дня как тепло стало».

Сильные дожди в первой половине марта и затем наступившая стужа много замедляли работу, тем не менее дело шло вперед, не только без «мешкоты», но и с «попешанием». В конце марта весеннее солнце согрело воздух и оживило природу, реки выступили из берегов. Едва остатки снежно-ледяного панциря покинули землю, впитавшись в нее обильной влагой, она радостно вздохнула, явив предметом счастья первые всходы трав и цветов.

На луговой стороне Воронежа по чертежам и размерам самого Петра было заложено до тридцати военных судов под названием галеасов, галер, каторг и брандеров.

«Галеры и иные суда по указу вашему строятся», — писал он Ромодановскому того же дня, — «да ныне же зачали делать на прошлых неделях два галеаса. Члены их были срублены по чертежам в продолжение зимы под надзором стольника Титова».

* * *

Почти полная бездеятельность угнетала купца. А тут еще напасть великая: пошли дожди. Дождь лил, не переставая, день за днем, и от этого делалась такая скучища, что рука устала то и дело закрепивать широкий позовок. Уехать на дальние хутора к своему делу тоже не представлялось возможным — ищейки воеводы тотчас донесут ему о нарушении указа. И тогда вообще хоть волком вой. Поначалу Лыкисову нравился вынужденный отдых, но затем тошнехонько стало. А чем заняться всерьез — он не ведал. Одно время ударился даже в пьянство. Как злую тоску развеять? Одно средство — в кружало зайти. А там любой винопивец — желанный гость, от него государственной казне доход будет. Домой добирался, яко тать, старался ничем в избе не громыхнуть. Сходило до поры до времени. Одним днем все тайное стало явным. После томительных раздумий отца опять выручила дочь.

— Ты бы бросил-нито свое занятие. Тебе — вред, семье — разоренье.

Немой вопрос повинной головы был понят правильно.

— Упади в ноги государю, пусть возьмет к себе на службу. Грамоте владеешь, счет ведаешь, может, сыщет тебе дело.

Несколько дней кряду искал Еким царя на верфи. Хотел уж было идти в приказную избу, но в последний момент испугался... А тут, на счастье, архангельский корабельщик показал наконец в сторону шедшего по берегу Петра.

— Вот он, батюшка наш, соколик ясный.

Купец было бросился за государем вдогонку, но разве ж за ним поспеешь. У него что ни шаг — аршин, а ежели куда торопится, так сажеными меряет. В своем постоянном сером кафтане, бархатном черном картузе, в давно не чищенных башмаках Петр ходко шагал и в хорошую, и в дурную погоду. Если ему надо было срочно по какой-нито надобности, то ехал верхом или в одноколке, с денщиком на запятках.

И по-хорошему не раз говорились, и в указе объявлялось, чтобы при встречах с царем не становились на колени. Но все людям нейметя, хоть в батоги их бери. Ежели ему на каждом шагу станут коленопреклоненное почитание оказывать, государю и ступить будет некуда.

Шедший навстречу Лыкисов еще издали приметил в торопившемся мужчине царя. Сдернул шапку, опустился на колени в грязную лужицу и нагнул голову в поклоне.

— Эх, братец, — досадливо проговорил Петр, поравнявшись с ним. — У меня свое дело, у тебя, должно, свое, и задерживаться нам недосуг.

— Мне бы службу какую, государь, — осмелел Еким. — Работы, чай, невпроворот, а я бы мог расстараться.

— Ин быть по-твоему, — слегка ударил он ладонью по кудлатой голове мужика. — Приходи с утра к Адмиралтейству, там и договорим. А на колени больше не становись, не то велью в батоги.

Обрывок фразы долетел до ушей порывом ветра, а Петр уже продолжал шагать дальше.

— Вот и ладно, вот и сподобился, что сам государь приметил, — обрадованно шептал Еким, глядя ему вслед. — Портки в грязи вымазал — не печаль это, зато будет что сынку да дочке рассказать: с царем повидался, удостоился, что евонная длань коснулась, — потрогал купец свои кудлы. — Побережь теперь надобно их, ножницами не кромсать.

И разговоров было в купечкой избе!.. Ахи да вздохи слышались то из одного, то из другого конца, куда по делам ходила Лукерья. Хозяин сидел в кухонке, уминая краюху житного и хлебная наваристые щи. Демид слушал молча, смурно глядел исподлобья, все ему было неприглядно.

Чуть свет — уже и дочка на ногах. Печь в избе огненным треском исходит, прогревается, наполняет комнаты теплом и запахом ароматного дымка. Еким торопливо собрался, отправившись на верфь. На дворе холодно, хотя мороза нет, снова оттепель балует.

В Адмиралтействе на Лыкисова никто и вниманья не обратил. Так и стоять бы мужику незнакомое время. И только случившийся там по какой-то надобности Верещагин выслушал Екима. А когда узнал о встрече с царем, подробнее повыведал о купце.

— Десятником будешь у смоловаров. Нужен там человек. А господину бомбардиру я доложу о тебе, — деловито заявил шхип-тиммерман, улыбнувшись вслед.

* * *

Лыкисов немедленно занялся работой. Особой тяжести в ней не виделось, но требования к смоле предъявлялись самые жесткие: она должна быть не жидкой, но и не горелой. Поэтому и не зря говорится, что в любом деле имеются свои секреты, а без них нет рабочего мастерства.

Люди под началом Екима подобрались самые разные, но большинство подавляло работоспособностью и помогало другим. Нерадивых и лентяев просто убирали из десятка. За заболевших купец работал сам, начальство не уменьшало спрос на смолу. Порой уставал так сильно, что не доставало сил идти домой: спал вместе с людьми, где придется. Лукерья на это не сетовала, не примирялся только Демид. Работа Екиму не нравилась своим однообразием, лишь перемена места позволяла увидеть и узнать больше.

В один из сумрачных дней солнце на короткое время сумело разорвать крепкое облачное покрывало. В свободное пространство ринулся яркий сгусток света. Сразу дохнуло весной. В то же мгновение купец случайно увидел вечно спешащего Петра. Он шел торопливо переставляя ноги, в руке держал топор и циркуль, в другой — свиток бумаги. На некоторое время остановился, задержанный одним из помощников, попросившим посмотреть чертежи. Необыкновенно быстро рядом образовалась толпа сподвижников. Большинство в модных кафтанах на европейский лад и длинных париках. Петр тоже носил парик, но короткий, из собственных волос. А если его голова начинала зябнуть, не раздумывая снимал роскошный алланжевый, с завитками и локонами, осыпанный пудрой, парик с какого-нибудь находившегося рядом вельможи. Надевая на себя, усмешливо осведомлялся:

— Не вшивый паричок-то?

Вгонял этим вопросом хозяина в смущенье, и возвращал ему тогда, когда голова согрелась, похлопывая по плешивой макушке.

— Эх, голова, голова! Не быть бы тебе на плечах, если б не была так умна.

Наконец царь взбежал по мосткам на строящийся галеас. А через некоторое время спустился вниз, отстав от помощников, уже без чертежей и измерительного инструмента. Перебрался на торчавший ребрами брандер и умело работал топором.

Мимо прошествовали по какой-то надобности два боярина, в богатых шубах и высоких шапках. Голос одного показался Екимю очень знакомым. Шиловский! Купец только слегка повернул голову, но желаемого не увидел, зато рядом скользнуло примелькавшееся рванье Хворобушка. Елифан Федотович продолжал начатый ранее разговор:

— Носит парик — и это тоже признак Антихриста.

— Собачьи кудри на голове. И его сподвижники — сатанинские аггелы — в таких же собачьих кудрях.

— Может он явиться воистину нашим царем с таким нескладным норовом и хватками простого мужика? Он, должно, и не ведает, что такое порфира и скипетр, а давай ему топор в руки да трубку в зубы. Трудится подобно заправскому смерду, одевается и курит, словно доподлинный германец. Водку ихнюю пьет, а дракой и руганью, молвят, простого матроса хлеще.

— В войсках не воеводой али кем еще значительным стал, — зашептали губы, шевеля иссиня-черными усами, — сам себя бомбардиром назначил. Глянется мне, допрежние московские цари-то посмотрели бы на него да не приняли за своего. Отреклись бы от него, как от супостата какого. Разве ж это царь? Весь народ взнуздал, никому спокойности нет: что боярина возьми, что смерда.

— Горе нам, горе, ладно бы они лишь мучились. Им Господом нашим повелено, они для сего и созданы. Но нам-то зачем?

— Он всех вымучил. Одних как мошну свою трясет, из других душу вынимает. То ему хлеб да деньги подавай, а то еще пеньку, деготь и лес.

— Такими поборами обложил, волком взвоят не токмо мужик — самый знатный богатей криком изойдет.

— На царя вовсе не похож, коль пьянствует, истинно кутилка, слуг наших в рекруты и матросы набирает. А нас к службе принуждает, отродясь такого не бывало, — вторил молодежавый боярин.

Страшные слова вещали родовитые, не ведая и не подозревая о подглядчике. Лыкисов сразу смекнул, что юродивый здесь не просто отирается. Видать, есть серьезный наказ. Их дела и словеса тайные — явными становятся, ежели верные люди к сему лукавству приглядываются.

Донесшиеся от реки крики людей отвлекли Екима от прежнего занятия. Хворобушек внезапно куда-то исчез, а бояре продолжали стоять на своем месте. Несколько солдат во главе с низшим офицерским чином вели работника в матросской одежде.

Тот сопротивлялся, однако продолжал передвигать ногами, подталкиваемый прикладами ружей.

— Куда же вы его тащите, служивые? — дотошно осведомились бояре, взгляд Шиловского был пронзающим.

— ...запрет вышел, чтобы лес зряшно сгубливать, — наставительно молвил молоденький командир. — Нестатно нам дубы гноить... Этот послушался приказа.

Шиловский громко захохотал:

— Русь издревле была богата лесами да водами. Будешь стараться что намеренно погубить, жизни не достанет.

Петр издал специальный указ о соблюдении чистоты на верфях Воронежского края и охране реки Воронеж от загрязнения. В указе царь требовал: «Во время чищения и починки кораблей всякий сор должно вывозить, чтобы ничего на дно не упало. А кто из своих то учинит сам, ежели офицер, за всякую лопату первый раз лишается месяц жалования, за второй раз — полгода, а за третий будет оштрафован отнятием чина и записан в рядовые. А рядовым за первый раз — бить кошками один раз, за второй — по три дня, за третий — на несколько лет в каторжную работу».

* * *

Двадцать пятого марта, к дню православного праздника Благовещения, относится первая встреча царя со святителем. Для посещения Благовещенской церкви Петру пришлось взобраться на гору, верхнюю часть города. С колокольни смотрел, как по земле гуляет сиверко да мокрый снег подметает. В Успенской церкви Успенского монастыря государь побывал 28 марта, «в субботу на пятой неделе поста». В праздничные дни Петр часто присутствовал при богослужении.

Святитель часто посещал царственного труженика и беседовал с ним. Как ревностный патриот, принимал живейшее участие в великих предприятиях государя, благословлял молитвою его труды и по возможности содействовал успешному построению кораблей своими пожертвованиями. Он прислал в Адмиралтейство из своей домово́й казны четыре тысячи серебром. Узнав об этом, Петр был так тронут пособием Митрофана, что немедленно прислал ему похвальную грамоту следующего содержания: «Нынешнего апреля в ... день донесено Нам, Великому Государю, Нашему Царскому Величеству, что ты, Богомолец Наш, для общия и христианския пользы на вспоможения святые войны, против неприятеля Креста Святаго, по доброжелательной ревности к нам, Великому Государю, нашему Царскому Величеству, ратным людем морскаго воинскаго флота, которые служат Нам, дал из своей домово́й казны денег на жалованье их в Воронеже 4000. И Мы, Великий Государь, за усердножелательное твое к Нам, Великому Государю, и ко всему христианскому народу радение в даче из домово́й твоей казны вышеописанного числа на жалованье ратным людем денег, жалумем милостиво и премилостиво похваляем; за которое твое радение и впредь Наша Царскаго Величества милость к тебе, богомольцу Нашему, будет неотъемлема».

Петр, следуя обычаю иноземцев, приказал изваяниями языческих богов украсить устроенное им вновь здание для разных потреб при кораблестроении, служившее оградой тому месту на острове реки Воронежа, где строились морские суда. Государь, имея надобность по какому-то делу видеться со святителем, послал просить его к себе в означенное здание. Митрофан отправился туда пешком и, перешедши мост, когда приближался к Адмиралтейству, увидел над воротами и во дворе расставленные статуи.

Митрофан поворотил назад и поспешно ушел домой. Об этом донесено было государю, и тот, не понимая такого странного поступка, послал к преосвященству вторично звать его к себе. Святитель отвечал посланнику:

«...доколе Государь не повелит низвергнуть идолов, соблазняющих весь народ, я не могу войти во двор».

Петр не любил противоречий, но, получивши от Митрофана такой смелый ответ, при своей вспыльчивости, разгневался на него. И в третий раз послал к нему с угрозою, что если Архиерей немедленно не исполнит его волю, то, как преступник царского повеления, подвергнется смертной казни.

«Мне еже житии, Христос, а еже умирати — приобретение», — спокойно заявил святитель. «Тело мое в царских руках, а на душу мою никакая человеческая власть не распространяется. Но неприлично православному государю ставить языческих болванов и тем соблазнять простые сердца. И так лучше мне умереть, нежели боязливым молчанием ради чревоугодия, изъявить как бы соизволение свое на нечестивое взирание языческих богов, в поставлении и хранении с честью на видном месте их кумиров, на соблазн в вере младенчествуемому простому народу».

И затем, полагая царское определение о смерти неизменным, святитель начал приготовляться к переходу из этой жизни. Для сего он повелел в соборной своей церкви благовестить в большой колокол ко всеобщему бдению. Услышав такой внезапный благовест, государь спросил:

— Какой завтра праздник?

Ему отвечали, что никакого нет. О причине звона Петр послал спросить Митрофана, на что он сказал:

— Мне, как преступнику, словом царским изречена казнь, и того ради я, готовясь к смерти, спешу принести Господу Богу соборное с церковью о грехах моих моление.

Подобный ответ крайне удивил государя, он решился уступить святителю и приказал уничтожить соблазнительные изваяния, поспешив при этом успокоить праведника объявлением, что прощает его. Услышав об этом, Митрофан немедленно пришел к царю принести ему благодарение за сохранение жизни и истребление языческих статуй.

* * *

Весна пробуждает спящую, безмолвную природу и радует весь мир. В апреле земля прееет. «Пришел Федул — теплый ветер подул». Сверчок в избе просыпается, медведь выходит из берлоги. С Родиона-ледолома мужик принимается чинить соху, а с Егоравешнего пашню под яровые зачинает. В апреле поселяне закликают весну, обращаясь к ней, словно к живому существу. Дети и девицы влезают на кровли амбаров, всходят на ближайшие холмы и пригорки и оттуда причитывают: «Весна, весна красная! Приди, весна, с радостью, с великою милостью: со льном высоким, корнем глубоким, с хлебами обильными». Заслышав первый раз кукушку, простолюдины спешат побрягать деньгами, чтобы они не переводились до следующего года. Приметы, как и все на земле, от Бога...

Петр сбежал по мосткам с одной подготовленной к спуску галеры и подошел к группе иностранцев, среди которых заметил недавно прибывшего капитана Августа Мейера. Это-то спросил у него и сразу встретил вездесущего Верещагина.

— Сдается мне, плотников не меньше ли стало? — спросил Петр, дернув шеей.

— Точно так и есть, — ответил Лукьян.

— Пошто так? — надулся государь.

— Которые наголодались — побегли. Жалованье получать все сроки вышли, они и не стерпели. Поначалу двадцать с четырьмя, а третьего дня еще пятнадцать. Улучили момент, пока вы со святителем в монастыре беседовали, бежали, даже не оглянулись.

— Розыск? — все строже и строже сдвигались царские брови.

— Сразу же с застав гонцов послал.

— И ты денег ждешь?

— И опять подожду, — ответил Лукьян глаза в сторону.

— Ну и жди! — отрубил Петр, зашагав по делам, но вскоре обернулся. — На северной верфи дают жалованье.

В кои-то веки собрались оплатить работникам их тяжкий труд, да и то не как положено: командным давали серебром, а простолюдыю — медью да кусочками меченой кожи. Печатка царская стояла на них с обозначением стоимости²².

Видывал Еким на своем веку разных денег в большом достатке и в малом, но почему-то ценнее этих медяков и кожаных клочков в руках ничего держать не доводилось. И когда он отошел в сторону, отвернувшись от людского потока, внезапно ощутил щекою нестерпимое жжение, а в глазах — слепоту, после быстро прошедшую.

Назавтра объявили праздничный день — Вход Господень в Иерусалим. Петр вновь посетил Успенскую церковь, беседовал с Митрофаном и признал в нем истинного пастыря своей паствы. Но 7 апреля, при сильном восточном ветре, поднялась вьюга, целых четыре дня нельзя было не только работать на верфи, но даже выйти из дома.

С неделю как приехал боярин Алексей Семенович Шеин, одно время возглавлявший Белгородский разрядный полк. А ныне он формально руководил Азовским походом в звании «воеводы Большого полка». В Воронеж стягивались русские войска, прибывали отдельные иностранцы: инженеры-кораблестроители и офицеры. Уже спущена на воду большая галера, но пока что с голыми ряями, без парусов.

Появление Васильева в доме Лыкисов воспринял, как нечто совсем погибельное. Так оно почти и оказалось.

— Полагин боится более торговать. Даже там рыщут доглядчики воеводовы. Видать, кумпанство наше сильно хвост Шиловскому прищемило, коль скоро забеспокоился. Даже часть тканья пришлось забрать с собою. Не ровен час нагрянут с сыском, боярин все изымет, а так хотя бы малую часть тут схороним. Может, государю что доведется показать. Мастеровые, кто с хозяйством, к домам подались. Остальные согласились за гроши на месте беду переждать. Гаврила сам за старшего остался, мне велел к тебе перебираться. Народу там мало, затеряться тяжело, вдруг кто из местных заметит чужака.

— И быть по сему, — согласился Еким. — В смоловары тебя определю, станем на пару государеву делу помогать.

И тут же поведал Афанасию о начинающих тревогах среди царских сановников. Уже несколько судов стоят спущенными на воду, но нет на них парусов. Ежели Петр проведает о причине сего беспорядка, многие головы могут полететь с плеч долой. Государь молод да горяч.

— Оно так и к лучшему, — резонно заметил Васильев. — Покуда умудренный станет решать да обдумывать, глядишь, — поостыл, а там еще и кто словечко замолвит...

* * *

Шхип-тиммерман вновь послал человека к воеводе, который обещал снабдить корабелов парусиной. А тот уж и сам не рад, что попал в приятели к боярину. Зело Шиловский осерчал на царя, лютует, дескать, самодержец. Не будет его сатанинским лодьям попутного ветра, не давал тканья. Дошли вести о своевольстве боярина и до Митрофана. Шиловский и на Вербное воскресенье в церкви только появился. Но увидел рядом с ним Софьиного братца и вернулся восвояси. Повелел святитель призвать к себе строптивца. Не посмел ослушаться приказания, приехал.

²² Об этом в статье автора «Кожаные деньги» в журнале «Бизнес Черноземья», № 5, 2001 г.

— Горденек стал, боярин, а Господь и тебя найдет. Что же ты, овца погибшая, благоволением моим брезгуешь? — спросил Митрофан, останавливаясь посреди кельи. — Как ветром дунуло даде из церкви-то: легче пуху вылетел. Ты вот зол, а, может, и по-злее тебя найдутся.

Противословие святителю опасно, вдруг проклянет с амвона, тогда не токмо простолоудье, даже бояре спиной повернутся, а это — хуже погубели.

— Нескверное житие погубил навеки и другим пагубный пример оказал, яко козел смрадный. Простой человек увязнет в грехе — себя одного погубит, а ты другим до-рогу показываешь, Епифан Федотыч.

— Прости, святой отец. Грешен я перед тобою и Господом нашим, яко пес смер-дящий...

Боярин опустил ся на колени, пытаясь притронуться губами к руке Митрофана, но тот поднял ее.

— Зачем против царской и моей воли идешь?

— Не таю своей вины и приехал покаяться.

— Вот все вы так-то: больно охочи к покаянию, чтобы грешить было легче.

— Бог вечен, а человек грешен, — прошептали губы боярина, когда он выходил из кельи, а глаза не отражали чистоты душевной.

Уж еле-еле Савин Семенович с помощью других бояр сумели уговорить его, чтобы продал хоть плохонькую парусину: ведь не можно же государя гневить.

Погожим весенним днем на южной верфи спустили на воду еще две галеры с гале-асом. Паруса подобраны к реям, на мачтах вымпелы трехцветные, на бушпритах — флаги Святого Андрея Первозванного развевались на ветру. Народ собрался на бере-гу, наблюдал, когда суда тронутся в пробный поход.

Святитель стоял в первых рядах подле царя, Головина, Верещагина, Титова и вое-воды. Даже Игнатий Моторин здесь. Чуть левее, сжавшись кучкой, ненавидяще зри-рали на приготовления офицеров и матросов местные бояре. Петр лично руководил работами. И когда все было готово, дал знак Митрофану, а тот махнул рукой иерею. Со звонниц Успенского собора, церковью Благовещения и Николая Чудотворца по-плыл в воронежском небе тягучий колокольный звон. Народ пал на колени, истово крестился, просил о милосердии Божьем. Шиловский спрятался за боярскими спина-ми, ожидая беды, и она грянула, неминуемая.

Резким порывом ветра натянуло упругие полотна парусов. Гнилое тканье не вы-держало нагрузки. Шкаторины порвало, паруса упали, повиснув на снастях.

Еким и стоявший подаль Афанасий услышали голос народного возмущения. Гнев-ные взоры были обращены на супротивника государева.

Знали люди, откуда получили гнилье на паруса. Ведомо это стало и царю. Он бы-стро взбежал на пригорок, подойдя к родовитым. Не лицо государя видели они перед собой, но грозного повелителя, требующего ответа за злобные деяния. С таким ка-менным безразличием приближается к своей жертве мясник, уверенный в своем пра-ве безнаказанно убивать и в спокойной неотвратимости задуманного.

— У-у, бородачи ненавистные! Отец мой имел дело токмо с одним бородатым идо-лом, Никоном, а мне приходится с несметным множеством вас возиться. Многому злу корень — вы, старцы, да попы еще.

Два офицера по указанию Верещагина вывели спрятавшегося боярина. Лицо его побелело от страха, глаза испуганно бегали, ожидая увидеть сочувствие, но кругом было только осуждение или равнодушное молчание.

Негодование охватило Петра. Он дергал шей, чувствовал, что вот-вот достигнет непреодолимый пароксизм припадка, и едва его превозмог.

— Неужели во всем Воронеже нет парусины лучше этого дерьма?! — вскричал взбе-шенный царь.

— Есть, великий государь! — раздался крик из толпы.

Вышедшие Еким Лыкисов с Афанасием Васильевым показали Петру образцы отменного полотна. Царские соратники и иностранцы одобрили предложенную парусину.

— Зер гут, зер гут, — кивал головой Август Мейер.

— Быть тебе, Еким, отныне государевым поставщиком и главным на Воронеже в полотняном кумпанстве.

Купец не забыл и о своем будущем родственнике, представив московского беглеца. Петр для радости такой согласился дать ему вольную.

— Кто Богу не грешен, кто бабке не внук! Кто старое помянет, тому глаз вон. Отработашь сию грамотку честным трудом.

Светлая неделя 1696 года была особенно праздничной для воронежцев. В это время происходил спуск на воду 23 галер и четырех брандеров, построенных Петром. На это торжество государь имел обыкновение приглашать духовные власти, бояр и знатных людей. Не оказалось среди таковых боярина Шиловского, который вместе со своей родней отправился в сибирскую ссылку. По прошествии некоторого времени следом поехал и Савин Семенович, место его в Воронеже занял воевода Д. Полонский.

— Что же вы, батюшка, так опрохвостились? — корила после отца Ефросинья. — Знали ведь, что товарец-то ваш никудышненький, а вы на глаза царю да германцам выперлись.

Святитель Митрофан наслаждался зрелищем покачивающихся на воде творений государя и молитвою освящал их «на одоление чрез них супостатов». Третьего мая из реки Воронеж вышел в Дон морской караван. И впереди, начальствуя галерою «Принципиум», которую Петр строил сам, шел капитаном он, бомбардир Петр Алексеев, а за его флагманской галерой — семь других.